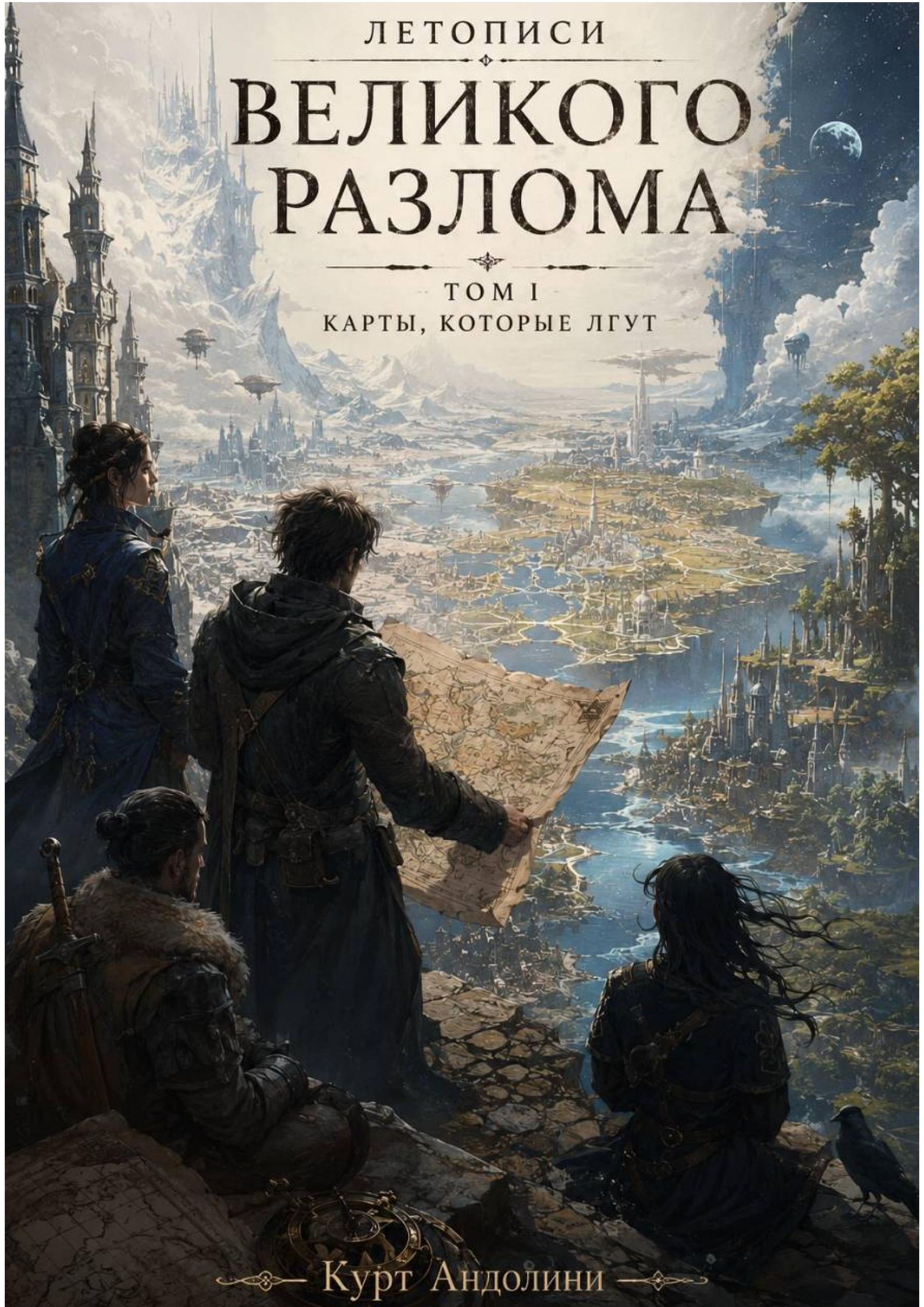

ЛЕТОПИСИ

ВЕЛИКОГО РАЗЛОМА

ТОМ I

КАРТЫ, КОТОРЫЕ ЛГУТ

Курт Андолини

Летописи Великого Разлома

Курт Андолини

**Летописи Великого Разлома.
Книга 1. Карты, которые лгут**

«Автор»

2026

Андолини К. С.

Летописи Великого Разлома. Книга 1. Карты, которые лгут /
К. С. Андолини — «Автор», 2026 — (Летописи Великого
Разлома)

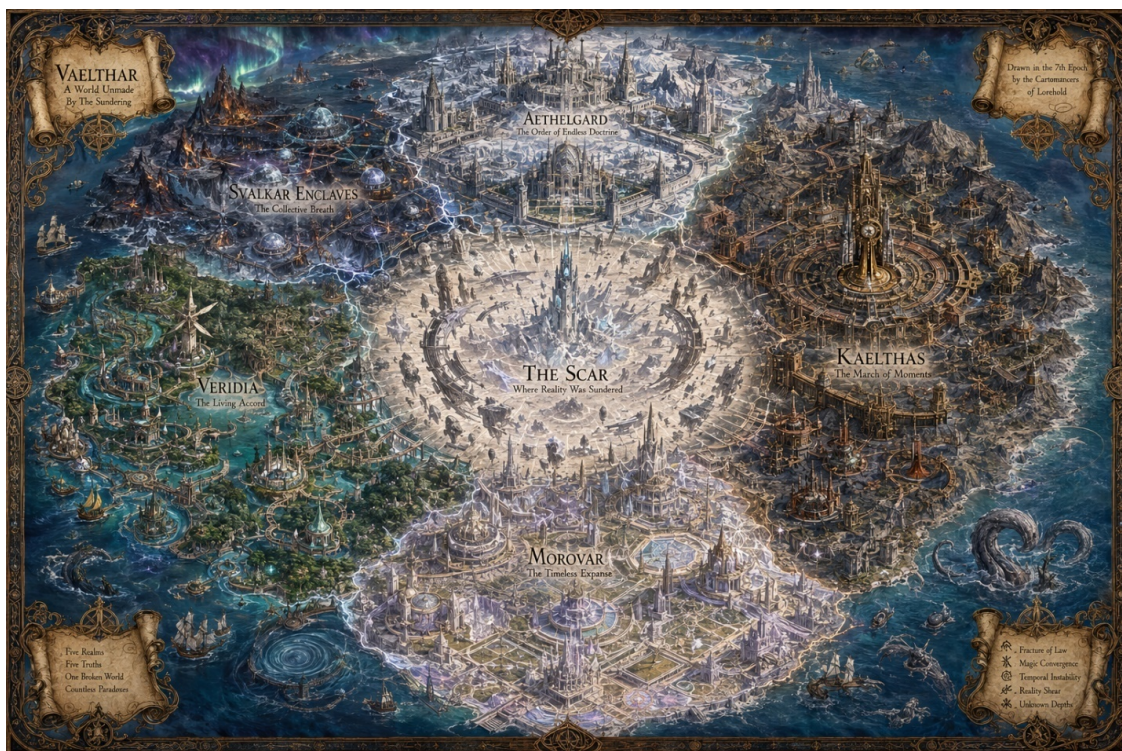
Мир трещит по швам. Деревни исчезают за ночь, реки меняют русла, а на месте цветущих городов вырастают вековые леса. Кто-то переписывает реальность, как черновик. Элиан Вар - картограф. Он видит то, чего не замечают другие. Он владеет Эхо-листом - древней картой, хранящей истинную историю мира. Вместе с Леорой Айслен и хронос-сапёром Дореном Раггом он отправляется в сердце исчезнувшего города Таль-Веран. Там ждёт Редактор - сущность, стирающая города и людей из бытия. Остановить его может только правда. Но правда - самое опасное оружие. Сумеют ли герои спасти мир, пока его не переписали окончательно? Первая книга цикла «Летописи Великого Разлома».

Содержание

Глава 1	6
Том I: Карты, которые лгутГлава 1: Граница молчания и песни	7
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	36
Глава 6	46
Глава 7	53
Глава 8	59
Глава 9	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Курт Андолини
Летописи Великого Разлома.
Книга 1. Карты, которые лгут

Глава 1

Том I: Карты, которые лгутГлава 1: Граница молчания и песни

Ветер на границе никогда не утихал. Он нёс в себе одновременно запах морской соли из бескрайних лагун Веридии и сухую, колкую пыль вековых библиотек Ательгарда. Два воздушных потока сталкивались над невысокой грядой известняковых холмов, поросших колючим серебристым кустарником, и от их противостояния рождался третий ветер - беспокойный, переменчивый, словно неспособный решить, чьи законы ему милее. Элиан Вар стоял на вершине одного из таких холмов, чувствуя, как этот ветер-полукровка треплет полы его выцветшего дорожного плаща, и смотрел вниз, на долину, которую ему предстояло запечатлеть на пергаменте.

Долина называлась Эш-Валлис. Ясеновый дол - на старом наречии, которое здесь ещё помнили. Место ничьё и одновременно принадлежащее всем. Здесь не действовали в полной мере ни Пакт Одушевления Веридии, ни Эдикт Невысказанного Ательгарда. Здесь камень мог откликнуться на просьбу, а мог и промолчать. Здесь слова имели вес, но не были стальными кандалами. Здесь реальность была зыбкой, как утренний туман над заливными лугами, и именно за это Элиан любил эту землю больше всего на свете.

Он опустился на одно колено, не обращая внимания на влажный мох, тут же пропитавший ткань штанов, и раскрыл походный планшет. Планшет был старым, из тёмного, почти чёрного дерева, с потускневшими латунными уголками. Его сделал ещё дед Элиана, картограф из Ательгарда, женившийся на веридийской женщине из рода Корабельных Шепчущих Ветров - тех, кто умел договариваться с парусами и килем. От деда Элиану достался не только планшет, но и глаза: слишком светлые, почти бесцветные в пасмурный день, с неестественно широкими зрачками, способными уловить малейшее движение тени на склоне горы. А от бабки по материнской линии - умение слышать тихий, едва уловимый голос вещей. В детстве он думал, что все дети слышат, как поёт вода в колодце или как скрипит от одиночества старая дверь. Позже он понял, что ошибался.

Сегодня в долине было тихо. Слишком тихо. Это неправильная тишина, подумал Элиан, раскладывая на планшете лист плотной бумаги с уже нанесённой координатной сеткой. Тишина должна быть живой, наполненной звуками: стрекотом цикад, шелестом травы, далёким мычанием скота на хуторах. Здесь же тишина была похожа на затаённое дыхание. Что-то в долине изменилось за те две недели, что он провёл в предгорьях, уточняя русла ручьёв и границы крестьянских наделов.

Элиан прищурился, защищая глаза от порыва ветра, и всмотрелся в дно долины. Дорога, та самая старая имперская дорога, что соединяла некогда Веридию и Ательгард в единое целое, была на месте. Её булыжники, местами просевшие, местами вывороченные корнями придорожных ясеней, всё так же бежали с востока на запад. Но что-то в их расположении казалось неправильным. Элиан не мог бы сказать точно, что именно его беспокоит, но многолетняя привычка к наблюдению, отточенная до ремесленного автоматизма, буквально кричала о несоответствии. Он опустил взгляд в свой предыдущий набросок, сделанный позавчера. Дорога на наброске делала плавный изгиб южнее, огибая крупный валун. Сейчас, глядя на реальную дорогу, он видел, что она идёт прямо. Валун исчез.

Исчез. Он не был сдвинут, не раскрошился от времени, не утонул в грязи после дождя. Дождей не было уже вторую неделю. Элиан медленно, очень медленно поднялся на ноги. Сердце застучало в груди тяжело и размеренно - не от страха, а от того холодного, липкого предчувствия, которое всегда предшествовало открытию. Открытию, которое ему, скорее всего, не понравится.

- Ты тоже это чувствуешь? - спросил он вполголоса, ни к кому конкретно не обращаясь. Его голос прозвучал глухо, словно ветер нарочно пригибал звук к земле.

Рядом с ним, в нескольких шагах, стоял его мул по кличке Скрип. Животное было старым, сварливым и на редкость флегматичным. Элиан всегда разговаривал с ним, отчасти по веридийской привычке видеть в любом предмете или существе потенциального собеседника, отчасти - от долгого одиночества в полевых экспедициях. Скрип повёл длинным ухом, вяло пожевал удила и издал звук, подозрительно похожий на скептическое фырканье.

- Вот и я о том же, - пробормотал Элиан, доставая из заплечного тубуса, обтянутого промасленной кожей, древнюю карту.

Это была не просто карта. Это была семейная реликвия, передававшаяся из поколения в поколение по линии деда-картографа. Её рисовали не на бумаге и не на пергаменте. Материал напоминал тончайшую, выделанную до полупрозрачности кожу какого-то неизвестного животного, но на деле не был кожей вовсе. Он не горел, не намокал, не рвался. Элиан пробовал поцарапать край ножом - на поверхности не осталось и следа. Дед называл эту карту «Эхо-лист» и говорил, что она - последний *шелест* из тех времён, когда мир был ещё целым. Тогда Элиан думал, что это просто красивая метафора. Теперь он не был в этом уверен.

Он развернул древнюю карту, и она, как всегда, зашуршала с тем особым, низким, почти музыкальным звуком, который не мог издать ни один известный ему материал. На карте были изображены те же холмы, та же долина, та же имперская дорога. Но здесь, на этом кусочке невозможного прошлого, дорога огибала крупный валун. И на берегу крохотной речушки, что змеилась по дну долины, был отмечен маленький значок - три перекрещённых колоса над кругом. Условное обозначение деревни. Деревни под названием Зольский Приют.

Элиан поднял глаза от карты и посмотрел на реальность. Речушка была на месте - мелкая, поросшая по берегам высокой, жёсткой травой-мечевиком. Но на её берегу, там, где, согласно Эхо-листу, должна была находиться деревня, рос густой, старый ясеневый лес. Деревья стояли плотно, их стволы были толсты и покрыты морщинистой корой. Этим ясеням было никак не меньше пятидесяти-шестидесяти лет.

Элиан почувствовал, как по спине, несмотря на тёплый ветер, пробежал холодок. Деревня не могла исчезнуть за две недели, оставив после себя взрослый лес. Лес не мог вырасти на месте деревни за время его отсутствия. Это противоречило всем законам природы - и общим, и местным. Даже в зонах Нестабильного Истечения, где реальность Веридии и Ательгарда смешивалась самым причудливым образом, ничего подобного не происходило. По крайней мере, так считалось. По крайней мере, так говорили в Коллегии Картографов.

Элиан свернул древнюю карту и убрал её обратно в тубус. Движения его были спокойны, даже медлительны, но внутри у него всё кипело от невысказанных вопросов. Заказ на картографирование этого участка границы поступил две недели назад. Заказ был официальным, с печатью Пограничного Соглашения - организации, подчинявшейся напрямую Конкорду Покровов. Сумма была неожиданно щедрой для рутинной топографической съёмки. И сроки поставили весьма жестокие: полный план местности в радиусе десяти лиг должен быть готов к концу месяца. «Для целей актуализации кадастровых реестров», - сухо значилось в сопроводительном письме. Но Элиан, закалённый горьким опытом общения с чиновниками всех пяти государств, давно усвоил истину: если бюрократ говорит «актуализация», он имеет в виду что-то совсем другое. Чаще всего - сокрытие.

Он сложил планшет, застегнул ремешки и подошёл к Скрипу. Мул встретил его всё тем же флегматичным фырканьем, но Элиану показалось, что в глубине его тёмных, влажных глаз мелькнуло беспокойство. Или это была лишь игра света?

- Мы не пойдём сегодня к гарнизону, - сказал Элиан, погладив мула по храпу. - Мы сделаем небольшой крюк. Посмотрим, что там, в долине. А вернее, чего там нет.

Скрип тяжело вздохнул - совсем как человек, смилившийся с неизбежными неприятностями - и послушно двинулся вниз по склону вслед за хозяином.

Спуск занял около часа. Чем ниже они спускались, тем гуще становилась тишина. Элиан не сразу осознал, что она перестала быть просто отсутствием звуков. Она стала физическим ощущением, чем-то вроде давления на барабанные перепонки, как при погружении на большую глубину. Воздух сгустился, наполнился странной, звенящей пустотой. Птицы, ещё недавно перекликавшиеся в кустарнике, замолкли. Даже ветер, казалось, обходил это место стороной, закручиваясь воронками где-то выше, над холмами, но не смея спускаться в долину.

Когда они достигли подножия холма и вышли к берегу речушки, Элиан остановился. Он смотрел на ясеневый лес, на его мощные стволы, на толстый слой слежавшейся листвы под ногами, на паутину, растянутую между ветвями. Лес выглядел так, словно стоял здесь всегда. Веками. Но под ним, если верить Эхо-листу, покоилась деревня. И не просто деревня, а Зольский Приют - место, где, согласно семейным легендам, когда-то жили его предки по линии деда.

Элиан сделал шаг вперёд, под сень ясеней, и тут же почувствовал, как что-то изменилось. Нет, не в окружающем мире - в нём самом. Внутренний компас, который он выработал за годы жизни на границе, завопил об опасности. Мир здесь был... тоньше. Словно холст, на котором кто-то слишком сильно тёр ластиком, пытаясь стереть одно изображение и нарисовать другое. Ощущение было настолько отчётливым и неприятным, что Элиан невольно попятился.

И в этот момент он услышал шаги.

Они были лёгкими, почти неслышными, но в этой противоестественной тишине даже шорох падающего листа прозвучал бы как гром. Элиан обернулся.

В десяти шагах от него, у кромки ясеневых лесов, стояла девушка. Она смотрела не на Элиана, а на лес - вернее, на то место, где лес встречался с воздухом. Глаза у неё были разного цвета. Левый - тёмно-фиолетовый, почти аметистовый в скупом полуденном свете. Правый - янтарный, с вертикальным, как у кошки, зрачком, который сейчас был расширен и подрагивал, словно фокусируясь на чём-то невидимом для обычного зрения. Одежда её представляла собой немыслимое сочетание обрывков и лоскутов, но не производила впечатления неряшливой. Скорее, она была функциональной - каждый кусок ткани, каждый ремешок, каждая бусина на длинном шнурке, обмотанном вокруг левого запястья, были частью какой-то сложной, только ей понятной системы.

Элиан не успел произнести ни слова. Девушка заговорила первой, и голос её прозвучал неожиданно низко и мелодично, с лёгким, почти неуловимым акцентом, который Элиан не смог идентифицировать. Так не говорили ни в Веридии, ни в Ательгарде, ни в одном из известных ему Пределов.

- Его удалили, - сказала она, всё ещё не глядя на Элиана. Её аметистовый глаз смотрел на лес, а янтарный, казалось, следил за чем-то,двигающимся в воздухе между деревьями. - Всю эту область. Как грязное пятно с рукава. Только пятно-то въелось, вот и пришлось тереть вместе с тканью.

Элиан сглотнул. Горло пересохло. Он хотел спросить, кто она такая и что здесь делает, но вместо этого с губ сорвался совсем другой вопрос:

- Что значит «удалили»? И кто?

Девушка наконец повернула голову и посмотрела прямо на него. Её взгляд был тяжёлым, оценивающим, как у торговца на рынке, прикидывающего цену подержанной упряжи. Но в глубине этого взгляда, особенно в фиолетовом глазу, Элиану почудилась тень чего-то похожего на сочувствие. Или на жалость.

- Ты картограф, - произнесла она. Это был даже не вопрос. – И все твои карты врут. А мои глаза - нет. Я вижу трещины. Здесь их много. И они довольно свежие. Кто-то правит текст, и этот кто-то очень не любит, когда его правки замечают. Тебе не стоило сюда приходить. Особенно с этим.

Она указала длинным, изящным пальцем на заплечный тубус Элиана, туда, где лежал Эхо-лист. Элиан инстинктивно прижал тубус к боку.

- Я не понимаю, о чём ты говоришь, - сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. - Я выполняю заказ Пограничного Соглашения. Провожу топографическую съёмку. И ничего более.

- Топографическую съёмку, - медленно, словно пробуя слово на вкус, повторила девушка. Её губы тронула слабая, мимолётная улыбка, в которой не было ни капли веселья. - Съёмку того, чего больше нет. Или того, чего не должно быть. Хорошая работа. Прибыльная. Только платят за неё обычно не серебром, а забвением. Ты ещё не начал забывать? Нет? Значит, у тебя есть время. Но его довольно мало.

Она отступила на шаг назад, в тень ясеней, и в тот же миг её фигура словно подёрнулась рябью, как отражение в воде, в которую бросили камень. Элиан моргнул - и девушки уже не было. Только ветер снова зашумел в кронах, да где-то далеко, у самого горизонта, глухо про- рокотал гром, хотя небо над долиной было по-прежнему чистым и безоблачным.

Элиан стоял на месте ещё несколько долгих минут, пытаясь осмыслить произошедшее. Разум картографа, привыкший всё раскладывать по полочкам, классифицировать и систематизировать, отказывался принимать увиденное. Исчезающие деревни. Леса, вырастающие за ночь. Девушки с разными глазами, говорящая загадками о правке реальности. Это не укладывалось ни в один известный ему научный трактат. Даже «Трактат о Нестабильных Зонах» профессора Эразма из Академии Ательгарда, в котором описывались самые причудливые случаи смещения законов, не упоминал ничего подобного. Самое экстравагантное, что фиксировали учёные - это временное изменение цвета неба в зоне конфликта двух Пределов, или, скажем, вода, текущая вверх по склону холма. Но полное, тотальное замещение одного фрагмента реальности другим? Нет, о таком не писали даже в самых смелых теоретических работах.

И всё же это произошло. Зольский Приют исчез. Эхо-лист, древняя карта, созданная тысячу лет назад, оказалась точнее, чем его собственные, составленные неделю назад. И это значило, что привычный, понятный, картографируемый мир, возможно, вовсе не был таким надёжным и стабильным, каким его привыкли считать.

Элиан сжал челюсти. Страх и растерянность отступили, уступив место холодной, расчётливой решимости. Он пришёл сюда, чтобы составить карту. Карта - это документ. Документ - это истина. И если истина заключается в том, что мир меняется по чьей-то неведомой воле, то его долг как картографа - зафиксировать этот факт. И долг как человека, чья семья жила на этой земле веками - выяснить, кто и зачем стирает её прошлое.

Он вернулся к Скрипу, достал из седельной сумки дневник и коротко, сухо записал:

«Зольский Приют. Отметка на Эхо-листе. На местности отсутствует. Вместо деревни - зрелый ясеневый лес возрастом 50-60 лет. Валун-ориентир у дороги также отсутствует. Зафиксировано аномальное затухание всех звуков в радиусе примерно 200 шагов от кромки леса. Встречена неизвестная девушка Сэйра (?). Обладает способностью визуально идентифицировать зоны изменённой реальности. Утверждает, что деревня «удалена» кем-то, кого она называет «редактором». Предупредила об опасности. Исчезла при невыясненных обстоятельствах. Продолжаю выполнение заказа. Намерен проверить другие отмеченные на Эхо-листе, но отсутствующие на местности объекты».

Он перечитал написанное. Сухие, казённые фразы. Весьма аучный подход. Но даже в этом бесстрастном отчёте сквозило безумие ситуации. Элиан усмехнулся про себя, захлопнул дневник и сунул его обратно в сумку. Затем проверил крепление тубуса, подтянул подпругу и взял Скрипа под уздцы.

- Пойдём, - сказал он мулу. - До ночлега у гарнизонного форта ещё шесть лиг. Если поторопимся, успеем засветло. А завтра вернёмся сюда с инструментами и всё проверим ещё раз. Я должен убедиться, что не сошёл с ума.

Скрип, как всегда, ничего не ответил, но его поступь, когда они двинулись в обход аномального леса, стала более осторожной и напряжённой. Животное тоже что-то чувствовало. Что-то, что не мог выразить словами даже человек.

Солнце клонилось к западу, окрашивая холмы в тёплые, золотисто-багряные тона. Отбрасываемые ясенями тени неестественно удлинялись и корёжились, словно жили по своим, отдельным законам перспективы. Элиан шагал, глядя прямо перед собой, но краем сознания непрерывно фиксировал каждую деталь окрестного пейзажа. В этом была его сила и его проклятие: он не мог не наблюдать. Даже сейчас, когда разум требовал отдыха, а душа - покоя, он подмечал, что русло ручья восточнее долины сместилось на три шага относительно вчерашнего положения, что форма облаков над горизонтом не соответствует розе ветров, а пение какой-то одинокой пичуги в кустах можжевельника фальшивит на полтона, словно птица подражает чужому, давно забытому мотиву.

Мир менялся. Медленно, почти незаметно, но менялся. И Элиан Вар, картограф в третьем поколении, твёрдо решил: он докопается до истины. Чего бы ему это ни стоило.

Гарнизонный форт, носивший официальное название «Пограничная твердыня номер семь», а в обиходе именуемый просто Седьмым Фортом, вырос перед ним из сгущающихся сумерек, как вырастает из тумана спина гигантского, уснувшего зверя. Его стены, сложенные из грубого, неотёсанного камня, были покрыты лишайником и мхом, что придавало форту сходство с естественным скальным образованием. Лишь ровные бойницы да тяжёлые, обитые железом ворота выдавали в нём дело человеческих рук.

Элиана здесь знали. Стражник на воротах, пожилой ветеран с изуродованной шрамом левой щекой, приветственно махнул ему рукой и крикнул вниз, чтобы открывали. Створки ворот, смазанные, по ведрийскому обычаю, особым маслом с добавлением истолчённых в пыль слов благодарности, разошлись почти бесшумно, лишь тихо вздохнув. Элиан кивком поблагодарил створки - старая привычка, от которой он не мог и не хотел избавляться - и провёл Скрипа во внутренний двор.

Во дворе пахло дымом очага, конским навозом и чем-то кисловатым - вероятно, прокисшим пивом из солдатской столовой. Несколько факелов, укреплённых на стенах, чадили и трещали, разгоняя темноту. У коновязи стояли три лошади под богатыми сёдлами с гербами Ательгарда - серебряная маска на чёрном поле. Значит, в форте гости. И судя по качеству сёдел, гости весьма непростые.

Элиан привязал Скрипа, задал ему корма и направился к главному зданию - двухэтажной каменной башне, где располагались покои коменданта и комнаты для приезжих. Он надеялся

получить у коменданта, старого знакомого его семьи, ужин и ночлег. А заодно, возможно, и ответы на некоторые вопросы.

Но уже на полпути к башне его остановил оклик. Голос был женским, негромким, но удивительно властным. Такой голос не просит - он приказывает, но в такой форме, что послушаться кажется проявлением дурного тона.

- Мастер картограф, - произнесла незнакомка, выходя из тени башенного портика. - Элиан Вар, если не ошибаюсь.

Она была высока, стройна и одета в дорожный костюм ательгардского покроя: тёмно-синий, почти чёрный, отделанный серебряным кантом по вороту и обшлагам. Лицо её, красивое той холодной, безупречной изящности, что свойственна жителям Молчаливых Земель, было бы совершенно непроницаемым, если бы не глаза - светло-серые, почти серебряные, острые, как осколки льда. Она смотрела на Элиана с тем особым выражением, с каким опытный игрок в кости смотрит на только что выпавшую комбинацию - оценивая, прикидывая, просчитывая ходы наперёд.

- Я — Леора Айслен, - представилась она, и в её голосе не было и тени сомнения в том, что это имя ему о чём-то говорит. - Легат Конкорда Покровов. У меня к вам разговор, не терпящий отлагательств.

Она говорила на безупречном всеобщем, но с тем характерным, чуть рубленным ритмом, который выдавал в ней носителя Сотрена - священного языка Ательгарда, языка, где каждое слово было клятвой, а каждая пауза - знаком препинания судьбы.

Элиан остановился. Внутренний компас, только что успокоившийся, снова ожил. День, начавшийся как рутинная топографическая экспедиция, стремительно превращался в нечто совсем иное. Он чувствовал это так же ясно, как чувствовал приближение грозы по запаху озона в воздухе. Гроза приближалась. И имя ей было - Леора Айслен.

- Я вас слушаю, легат, - ответил он, стараясь, чтобы его голос звучал ровно и бесстрастно. - Но предупреждаю сразу: день у меня был долгий, и, если ваш разговор касается политики,

я, боюсь, окажусь плохим собеседником. Моя специальность - горы, реки и дороги. В хитро-сплетениях Конкорда я смыслю не больше, чем моя лошадь в астрономии.

Леора Айслен чуть приподняла бровь. Это микродвижение могло означать что угодно - от вежливого удивления до холодного презрения. Но её губы, тонкие и чётко очерченные, не дрогнули.

- Речь пойдёт не о политике, мастер Вар, - сказала она, делая шаг навстречу. Свет факела упал на её лицо, и Элиану на мгновение показалось, что на её левой щеке, под слоем искусно наложенной пудры, проступило что-то вроде старого шрама. Или родимого пятна. Впрочем, в неверном, колеблющемся свете факела трудно было сказать наверняка. - Речь пойдёт о картах. О картах, которые лгут. И о городе, который исчез с лица земли.

Элиан почувствовал, как холодок, дремавший где-то в позвоночнике со времени полуденной встречи в ясеневом лесу, снова дал о себе знать. Ледяными пальцами пробежался по рёбрам, сжал сердце.

- Исчез? - переспросил он, стараясь, чтобы голос не выдал его волнения. - Вы говорите о Зольском Приюте?

Теперь настала очередь Леоры Айслен удивляться. Её глаза, до того холодные и оценивающие, на долю секунды расширились. Она быстро, почти незаметно, огляделась по сторонам - не подслушивает ли кто - и снова посмотрела на Элиана. Теперь в её взгляде читалось нечто новое. Настороженный интерес. И, возможно, тень уважения.

- Пройдёмте внутрь, мастер картограф, - сказала она, понизив голос почти до шёпота. - Разговор, кажется, будет дольше и интереснее, чем я предполагала. И боюсь, он не ограничится одним Зольским Приютом.

Она повернулась и, не дожидаясь ответа, направилась обратно к дверям башни. Элиан проводил её взглядом. Её спина была прямая, походка - уверенной и лёгкой. Так ходят люди, привыкшие отдавать приказы и не сомневающиеся в их исполнении. Люди, которые знают цену словам. В прямом и переносном смысле.

Элиан колебался лишь мгновение. Затем он глубоко вздохнул, поправил ремень планшета на плече и последовал за ней. Он не знал, что ждёт его в этой башне. Но он знал, что обратной дороги уже нет. Граница молчания и песни осталась позади. Впереди лежала terra incognita, земля неведомая. И её, как любую неизведанную территорию, предстояло нанести на карту. Впервые в жизни.

Глава 2

Внутри башни пахло старым деревом, сушёными травами и ещё чем-то, чему Элиан никогда не мог подобрать точного названия - смесью пыли веков и человеческого присутствия, впечатавшегося в каменные стены за десятилетия службы. Узкий коридор, освещённый редкими масляными лампами, вёл к массивной дубовой двери, обитой медными полосами. Дверь эта, как знал Элиан по прежним визитам, вела в кабинет коменданта. Но сейчас она была открыта, и из-за неё доносился ровный, монотонный голос - кто-то диктовал писарю.

Леора Айслен остановилась у двери, но внутрь не вошла. Вместо этого она свернула влево, в небольшую боковую комнату, которая когда-то служила оружейной, а теперь была переоборудована под гостевые покои для высокопоставленных визитёров. Комната была обставлена скудно, но добротно: стол, четыре стула, узкая кровать, застеленная серым шерстяным одеялом, и массивный платяной шкаф, на дверце которого всё ещё виднелись следы от снятого гербового щита. Единственное окно, забранное решёткой, выходило во внутренний двор. На подоконнике, на расстеленном платке, лежали аккуратно разложенные письменные принадлежности: чернильница из тёмного стекла, несколько остро заточенных гусиных перьев и стопка дорогой, плотной бумаги с водяными знаками *Конкорда*.

Леора плотно закрыла за ними дверь и указала Элиану на стул. Сама она не села. Она встала у окна, спиной к свету факелов, так что её лицо оказалось в тени. Старый дипломатический приём: скрывать свои эмоции и прочие реакции, выставляя на свет только собеседника. Элиан мысленно отметил это про себя и остался стоять. Играть в игры он не собирался.

- Итак, - произнесла Леора, и её голос, лишённый теперь уличных шумов, зазвучал чисто и резко, как удар камертона, - вы знаете о Зольском Приюте. Откуда, позвольте узнать?

Элиан выдержал паузу. Он смотрел на неё, пытаясь прочесть хоть что-то в её позе, в наклоне головы, в движении пальцев, нервно поглаживавших край подоконника. Ательгардцы - мастера скрывать мысли, но даже у них есть тело, а тело всегда говорит точно. Пальцы Леоры двигались ритмично, размеренно - не признак волнения, а скорее привычка, выработанная годами. Возможно, она перебирала в уме слова, как чётки. Или фразы на Сотрене, взвешивая каждый слог.

- Я картограф, легат, - ответил он наконец. - Моя работа - замечать несоответствия. Сегодня утром я работал с ориентирами в долине Эш-Валлис. Дорога, которую я нанёс на план две недели назад, изменила русло. Валун, служивший мне реперной точкой, исчез. А на месте, где, согласно старой карте моего деда, находилась деревня Зольский Приют, вырос ясеневый лес возрастом в полвека. Это не просто несоответствие, легат. Это физически невозможно.

- Старая карта вашего деда, - медленно, словно пробуя слова на вкус, повторила Леора. - И насколько она старая?

Элиан заколебался. Эхо-лист был семейной тайной, которую передавали из поколения в поколение с одним и тем же напутствием: «Никому не показывай. Никому не говори». Но сейчас, в этой комнате, перед лицом женщины, которая, судя по всему, знала больше него самого, молчание казалось глупостью. Или трусостью.

- Очень старая, - сказал он. - Древняя. Возможно, дораскольная.

Он ожидал удивления, недоверия, скепсиса. Вместо этого Леора Айслен медленно, очень медленно выдохнула. Этот выдох был похож на звук, с которым лучник опускает натянутую тетиву, не выпустив стрелы.

- Дораскольная, - эхом отозвалась она. - Значит, легенды не лгут. По крайней мере, не все. - Она отошла от окна и наконец села за стол, напротив Элиана. Движения её были точны и экономны - ни одного лишнего жеста. - Я покажу вам кое-что, мастер Вар. И задам вопрос. От вашего ответа будет зависеть многое. Возможно, даже больше, чем вы можете себе представить.

Она выдвинула ящик стола и извлекла из него кожаный футляр, плоский и потёртый, с серебряной застёжкой в виде маски - символа Ательгарда. Открыв его, она бережно, словно хрупкую реликвию, достала сложенный вчетверо лист бумаги.

Это была карта. Не современная, судя по желтизне и потёртостям на сгибах, но и не такая древняя, как Эхо-лист. Лет сто, возможно, сто пятьдесят. Она изображала обширный регион - судя по очертаниям, северо-восточную часть континента, где граничили Веридия, Ательгард и предгорья Шрама. Элиан сразу заметил несколько анахронизмов: границы были проведены иначе, реки текли по другим руслам, а на месте одного из современных городов значилось обозначение «Горн-Таэль, 12000 душ».

Но не это заставило его сердце сжаться. На карте, в самом центре региона, была отмечена точка, обведённая красными чернилами. Двойной круг с крестом внутри - условное обозначение крупного торгового города. И подпись под ним гласила: «Таль-Веран. Ключ Северных Путьей».

- Таль-Веран, - прочитал Элиан вслух. Имя показалось ему странно знакомым, словно он слышал его в детстве, в одной из сказок своей матери. - Крупный торговый город?

- Очень крупный, - подтвердила Леора. Её голос звучал глухо, словно она говорила через силу. - Пятьдесят тысяч жителей. Гарнизон Конкорда. Представитель всех пяти Пределов. Крупнейший перевалочный пункт на северном торговом тракте. Стратегический узел, за который в прошлом веке чуть не началась война.

Элиан оторвал глаза от карты.

- Я никогда о нём не слышал.

- Вот именно, - сказала Леора. - И не только вы. Я опросила дюжину купцов, чьи караваны должны были проходить через Таль-Веран этой весной. Ни один из них не помнит такого города. Более того, их торговые книги не содержат записей о сделках в этом регионе. Их маршрутные карты, составленные два года назад, показывают на месте Таль-Верана неосвоенную лесистую местность. Гарнизонные отчёты за последние десять лет не упоминают город с таким названием. А архив Конкорда в столице Ательгарда, где я лично просматривала документы, содержит ровно один документ, подтверждающий существование Таль-Верана. - Она сделала паузу. - Вот эту карту.

В комнате повисла тишина. Где-то в отдалении, на стене форта, часовой выкрикнул пароль. Ему ответили. Ветер за окном вздохнул, пробуя на прочность ставни. Элиан смотрел на карту, и в его голове медленно, словно шестерёнки гигантского механизма, проворачивались мысли, факты, гипотезы. Они не хотели складываться в единую картину, но общее направление уже угадывалось.

- Кто-то стирает города, - произнёс он наконец. - Не просто замечает следы, не просто уничтожает их физически. Кто-то вымарывает их из памяти, из записей, из самого бытия. Деревня, в которую я не попал сегодня утром, была маленькой - может быть, двести-триста душ. Но Таль-Веран? Пятьдесят тысяч? Это... это невозможно!

- Невозможно, но факт, - жёстко сказала Леора. - И вот мой вопрос к вам, мастер картограф. Ваша дораскольная карта. На ней отмечен Таль-Веран?

Элиан почувствовал, как кровь отливает от лица. Он понял, к чему она клонит. Если Эхо-лист показывает Таль-Веран, значит, город существовал ещё до Раскола. Значит, он был частью изначального мира. И значит, его исчезновение - не случайность, не локальная катастрофа, не побочный эффект Нестабильного Истечения. Это часть плана. Чьего-то страшного, непостижимого плана.

- Я не знаю, - честно ответил он. - Я никогда не смотрел. Та карта охватывает весь континент. Её масштаб слишком мелок для отдельных городов. Но я могу проверить. Прямо сейчас.

Он поднялся и, не дожидаясь разрешения, вышел во двор. Леора последовала за ним. Ночной воздух был прохладен и свеж после духоты комнаты. Факелы на стенах догорали, бро-

сая на булыжник двора длинные, колеблющиеся тени. Скрип, увидев хозяина, тихо заржал. Элиан подошёл к седельной сумке, расстегнул ремни и бережно извлёк тубус с Эхо-листом.

Вернувшись в комнату, он расстелил древнюю карту на столе. Леора склонилась над ней, и Элиан услышал, как она резко, судорожно втянула воздух. Она узнала материал. Или, возможно, почувствовала его странную, ни на что не похожую природу. Пальцы её зависли над поверхностью карты, не решаясь прикоснуться.

- Она... поёт, - прошептала Леора с благоговейным ужасом в голосе. - Я слышу её. Этого не может быть. Я не веридийка, я не должна слышать немые предметы.

Элиан кивнул. Он сам, с его смешанной кровью, слышал Эхо-лист всегда. Но он никогда не встречал чистокровного ательгардца, способного на такое. Карта действительно обладала собственной, особой магией.

Он склонился над листом, ища нужный квадрат. Континент был расчерчен тончайшей координатной сеткой, и каждая ячейка имела буквенно-цифровое обозначение. Память подсказала: северо-восточный сектор, квадрат К-7.

Палец Элиана замер на крошечной точке, окружённой едва видимыми линиями стен. Рядом с точкой висела изящная, каллиграфическая надпись на староимперском, языке, который вышел из употребления задолго до Раскола.

- «Таль-Веран», - прочёл он вслух. - «Ключ Северных Путей. Гарнизон Империи. Пятьдесят четыре тысячи душ по переписи 1023 года от Основания».

Леора медленно опустилась на стул. Лицо её, всё ещё скрытое тенью, казалось высеченным из того же камня, что и стены форта.

- 1023 год от Основания, - повторила она. - Это... это почти за сто лет до Раскола. Значит, город существовал. Он был. И кто-то стёр его. И это было не сегодня, не вчера. Процесс идёт давно, но он будто ускоряется. - Она подняла глаза на Элиана, и в них впервые мелькнуло что-то живое, что-то помимо холодного профессионализма. Это был страх. - Пятьдесят четыре тысячи человек, мастер Вар. Они не могли просто исчезнуть. Кто-то должен был их помнить. Семьи, друзья, деловые партнёры, кредиторы в конце концов. Но я не нашла никого. Ни одного человека, который помнил бы Таль-Веран. Кроме меня. И теперь - кроме вас.

- Почему вы помните? - спросил Элиан. Вопрос был прямой и, возможно, грубый, но сейчас было не до дипломатии.

Леора поджала губы. Её левая рука непроизвольно дёрнулась к щеке - к тому месту, где Элиану почудился шрам. Она заметила это движение и усилием воли остановила его, положив ладонь на стол.

- Это личное, - отрезала она. - Сейчас важно другое. Карты. Ваша и моя. Две карты, которые не изменились, в то время как весь мир подстроился под новую реальность. Почему? Что в них такого особенного?

Элиан задумался. Он привык думать методично, последовательно, как при построении координатной сетки. Шаг первый: факты. Шаг второй: гипотезы. Шаг третий: проверка.

- Факты, - начал он, загибая пальцы. - Первое: существуют по крайней мере две карты - моя и ваша, - которые сохранили информацию об исчезнувших объектах. Второе: эти объекты - Зольский Приют и Таль-Веран - исчезли не только физически, но и из памяти всех людей, из записей, из современных карт. Третье: мой Эхо-лист создан до Раскола. Ваша карта, судя по виду, гораздо моложе.

- Моя карта нарисована примерно сто двадцать лет назад, - подтвердила Леора. - Мой прадед был картографом при дворе герцога Ательгарда. Он лично снимал план Таль-Верана для целей налогового обложения. Эта карта - копия, но заверенная его личной печатью. Печать картографа, как вы знаете, имеет юридическую силу в Ательгарде. Поэтому этот документ не могли просто изъять из архива. Про него забыли. О нём забыли, понимаете? Как забыли и сам город. Но бумага-то осталась...

- Значит, - медленно произнёс Элиан, - устойчивость к изменениям не связана с древностью материала. Мой Эхо-лист и бумага вашего прадеда - они продержались по разным причинам. Или по одной, которую мы пока не понимаем. - Он замолчал, глядя на две карты, лежащие на столе. Старая и очень старая. Обе - правдивые. Обе - лгущие тому, что видели глаза. - Вы знаете легенду о Картомантической Коллегии?

Леора кивнула.

- Да, я слышала. Детские сказки о магах, которые могли рисовать миры. Ательгардская церковь отрицает их существование. Ересь, караемая Отлучением от Слова. Но мой наставник в коллегии легатов как-то сказал мне... - Она замялась, подбирая безопасную формулировку. В Ательгарде каждое слово имело цену, и привычка взвешивать их въелась в неё до мозга костей. - Он сказал, что в запретных секциях архива есть документы, датированные временем

до Раскола. И что некоторые из них написаны на языке, который никто не может прочесть. Языке, который меняется прямо на бумаге, если на него смотреть слишком долго.

- Картомантический глоссарий, - выдохнул Элиан. - Язык картографов Единства. Мой дед упоминал о нём. Он говорил, что карты, созданные на этом языке, были не просто изображениями местности. Они были... привязками. Якорем. Если нарисовать место на картомантическом глоссарии, оно закреплялось в реальности. Становилось чуть более настоящим, чем всё остальное. А если нарисовать его неправильно...

- ...оно могло измениться, - закончила Леора. - Или вообще исчезнуть.

Оба замолчали. Тишина в комнате была такой глубокой, что Элиан слышал, как бьётся его собственное сердце. И как по стене, за деревянной обшивкой, скребётся мышь. И как далеко-далеко, за холмами, перекликаются ночные птицы. Мир был полон звуков, но ни один из них не мог заглушить ту звенящую пустоту, что образовалась в центре разговора. Пустоту на месте истины.

- Кто-то прямо сейчас, - сказал Элиан, и голос его прозвучал хрипло, - рисует новую карту мира. Не метафорически, легат. Буквально. Кто-то использует картомантию или её подобие, чтобы переписать континент. И Таль-Веран был ему не нужен. Как и Зольский Приют. Как и, вероятно, ещё дюжина мест, о которых мы просто не знаем, потому что забыли.

Леора резко встала. Её стул отъехал назад с неприятным скрежетом. Она подошла к окну и, вцепившись пальцами в подоконник, уставилась в ночную тьму. Плечи её были напряжены.

- Мне нужно попасть в Таль-Веран, - сказала она наконец. - Вернее, на то место, где он был. У меня там... осталось незаконченное дело. Личное. Очень личное... - Она повернулась. Лицо её снова было бесстрастной маской, но в голосе звенел металл. - Я нанимаю вас, мастер Вар. Ваш контракт с Пограничным Соглашением может подождать. Я оплачу неустойку. Вы получите доступ к архивам Конкорда, к моим связям и к защите моего имени. Взамен вы поможете мне добраться до Таль-Верана и... зафиксировать то, что от него осталось. Картографически. Документально. Чтобы то, что мы найдём, больше никогда не было забыто.

Элиан смотрел на неё, пытаясь просчитать риски. Ставки были высоки, как никогда в жизни. Он, скромный пограничный картограф, только что оказался втянут в историю, которая пахла ересью, политическим заговором и невозможной, древней магией. Откажись он сейчас - и Леора Айслен уйдёт, исчезнет из его жизни так же внезапно, как появилась. А вместе с ней исчезнут ответы на вопросы, которые уже начали прорастать в его сознании, как семена сорной травы. Кто переписывает мир? Зачем? И почему единственными свидетелями преступления оказались картограф и дипломат?

- Я согласен, - сказал он просто. - При одном условии. Вы расскажете мне *всю* правду. Но не сейчас. И не завтра. Но когда я об спрошу – вы мне ответите. Полностью. Без дипломатических увеливаний. Это моё условие, легат. И оно не обсуждается.

Леора долго смотрела на него. Затем едва заметно кивнула. И в этом кивке было больше веса, чем в иной клятве.

- Договорились, - произнесла она. - Выезжаем завтра на рассвете. Я распоряжусь насчёт припасов и лошадей. Ваш мул... он, конечно, мил, но нам понадобится скорость. И ещё кое-кто. Я присмотрела одного человека здесь, в форте. Бывший солдат, хронос-сапёр из Каэльтаса. С ним непросто, но в нашем деле может пригодиться тот, кто умеет чувствовать время.

- Хронос-сапёр? - переспросил Элиан. - Я слышал о них. Говорят, они могут растянуть секунду в час.

- Говорят много и разное, - уклончиво ответила Леора. - Но одно могу сказать точно: такие, как он, не уходят в отставку по собственному желанию. С ним что-то случилось. Что-то, что сломало его личный хронометраж. Теперь он живёт в «Грязи» - так они называют состояние рассинхронизации с нормативным временем. Медленнее всех. Говорят, это невыносимо. Но

мне кажется, - она бросила короткий взгляд на карты, - нам пригодится человек, который видит мир чуть иначе, чем все остальные.

Она направилась к двери, но на пороге задержалась.

- Мастер Вар, - сказала она, не оборачиваясь. - То, что вы видели сегодня в долине. Девушка с разными глазами. Вы не записали её имя в дневник?

Элиан вздрогнул. Он не упоминал о девушке в их разговоре. Откуда она...

- Я не говорил ни про какую девушку, легат.

- Зато я видела запись в вашем дневнике, пока вы ходили за картой, - спокойно ответила Леора. - Не считите за грубость. Привычка. В Ательгарде каждый документ на виду - это потенциальный компромат или оружие. Вы написали: «Сэйра». И добавили вопросительный знак. Это её имя или кличка?

- Она сама не представилась, - признался Элиан. - Но когда она говорила о «редакторе», о том, кто «удаляет» фрагменты реальности... в её голосе был страх. Не тот страх, что испытывает случайный свидетель. Тот, что бывает у жертвы, которая слишком много знает.

- Ясно. - Леора помолчала. - Что ж, если она появится снова, не спугните. Такие, как она, могут знать больше, чем все архивы Конкорда вместе взятые. Особенно если она способна видеть «трещины». Это редкий дар. И весьма опасный.

Она вышла, оставив Элиана одного. Он постоял немного, глядя на закрытую дверь, затем перевёл взгляд на стол, где всё ещё лежали две карты. Старая бумага и древний пергамент. Два ключа к разгадке тайны, которая, возможно, стоила жизни тысячам людей.

Элиан аккуратно свернул Эхо-лист и убрал его в тубус. Карту Леоры он трогать не стал - это был её личный документ, её *оружие*. Он достал свой дневник и, сев к столу, при свете масляной лампы сделал новую запись:

«Таль-Веран. Крупный торговый город (54 000 жителей по переписи 1023 г. от Осн.). Исчез полностью, включая память о нём у всего населения. Сохранился только на старых картах (моей и карте легата Айслен). Связано с Зольским Приютом. Подтверждена гипотеза о систематическом „редактировании“ реальности. Цель неизвестна. Метод предположительно основан на принципах картомантии. Завтра выступаю в составе экспедиции к месту, где находился Таль-Веран. В составе: я, легат Айслен, бывший хронос-сапёр (имя уточнить). Задача: зафиксировать сохранившиеся аномалии, найти возможные артефакты, установить источник изменений».

Он перечитал написанное и усмехнулся. Сухие, казённые фразы. Как будто речь шла о рутинной топографической съёмке, а не о путешествии в сердце безумия. Но что ещё он мог написать? Что мир сошёл с ума? Что реальность - это черновик, который кто-то правит красными чернилами? Что у него, Элиана Вара, простого картографа, в руках оказался единственный экземпляр оригинальной рукописи, которую кто-то очень хочет уничтожить?

Он захлопнул дневник и потушил лампу. Темнота нахлынула мягко, но в ней не было покоя. Где-то там, за холмами, лежала долина Эш-Валлис, где на месте деревни рос лес, которого не должно быть. Где-то дальше, в нескольких днях пути, находилось место, где стоял Таль-Веран - город-призрак, вымаранный из бытия. А где-то ещё, возможно, совсем близко, бродила девушка с аметистовым и янтарным глазами, которая знала ответы, но не спешила ими делиться.

Элиан лёг на жёсткую кровать, не раздеваясь, и уставился в тёмный потолок. Сон не шёл. Перед глазами стояла карта - не Эхо-лист, не бумага Леоры, а его собственная, та, которую он чертил последние две недели. Карта, которая уже устарела. Карта, которая ему лгала.

Завтра он начнёт рисовать новую. И на этот раз она будет правдивой. Чего бы это ни стоило.

Глава 3

Столица Ательгарда, город, имя которого никогда не произносили вслух без крайней необходимости, просыпался в тишине. Рассвет здесь был не зрелищем и не событием, а скорее формальностью - бледный, размытый свет сочился сквозь вечную пелену облаков, затянувших небо над Молчаливыми Землями, и не столько освещал, сколько проявлял очертания зданий из предрассветной мглы. Улицы, мощённые тёмным базальтом, были ещё пусты, если не считать редких фигур в серых плащах с капюшонами - служителей Молчаливого Синода, спешащих на утреннюю медитацию. Их шаги не издавали ни звука: подошвы их обуви были подбиты войлоком, а камни мостовой, веками впитывавшие тишину, словно нехотя отзывались лишь лёгкой, приглушённой вибрацией.

Главный архив Конкорда Покровов располагался в самом сердце города, в здании, которое называли просто Хранилищем. Это было массивное, приземистое строение без окон на первом этаже, с единственной дверью, обитой листами матовой стали. Над дверью, вырезанный прямо в камне, темнел герб Конкорда - пять перекрещённых линий, расходящихся из единого центра и обрывающихся на полпути. Символ единства, которое не случилось.

Леора Айслен подошла к двери за час до назначенной встречи. Она знала: тот, кто ждёт, всегда имеет преимущество перед тем, кто опаздывает. А сегодня ей требовалось каждое возможное преимущество.

Внутри Хранилище пахло бумажной пылью, старыми чернилами и ещё чем-то, что Леора про себя называла «запахом забытого» - тонкий, едва уловимый аромат тлена, которым источают документы, к которым не прикасались десятилетиями. Главный зал был огромен, его сводчатый потолок терялся в полумраке, а бесконечные ряды стеллажей уходили вглубь, насколько хватало глаз. Кое-где между стеллажами бесшумно скользили фигуры архивариусов в серых балахонах. Они не носили масок, как члены Синода, но их лица были столь же бесстрастны, а губы - плотно сжаты. В Хранилище говорили только шёпотом и только по делу.

Леора прошла в читальный зал - небольшое помещение, отгороженное от основного пространства резными деревянными ширмами. Там, за массивным столом из морёного дуба, уже сидел человек. Он не встал при её появлении, лишь чуть склонил голову в знак приветствия.

Это был мужчина лет шестидесяти, с резкими, словно вырубленными из гранита чертами лица и совершенно лысым черепом, покрытым сеткой старческих пигментных пятен. Он был одет в строгий костюм ательгардского чиновника высокого ранга: тёмно-серый камзол с серебряными пуговицами в виде миниатюрных масок, белоснежное жабо, перчатки из тонкой лайки. На столе перед ним лежала стопка документов и массивная чернильница с серебряной крышкой. Но самым примечательным был предмет, стоящий чуть поодаль: небольшая переносная конторка с закреплённым на ней листом дорогой бумаги. Рядом с конторкой, на низком табурете, сидел молодой человек в одежде писца и держал в руке гусиное перо. Его глаза были опущены, а на лице застыло выражение предельной сосредоточенности.

Магистр Таддеус Крелл. Главный следователь Конкорда по особым поручениям. Человек, который не произнёс ни слова за последние пятнадцать лет.

Леора приблизилась к столу и, следуя протоколу, коснулась пальцами левого виска, затем губ, затем сердца - жест, означающий «Я вижу вас, я уважаю ваше молчание, я открыта к вашим словам, даже произнесённым». Крелл ответил тем же. Его движения были скупы и точны, как у человека, который давно научился заменять речь жестами, письмом и мимикой. Затем он взял из стопки чистый лист бумаги, обмакнул перо в чернила и написал быстрым, убористым почерком. Дописав, он пододвинул лист Леоре.

«Легат Айслен. Ваш запрос на внеочередную аудиенцию был необычайно настойчив. Я заинтригован. Говорите. Я вас слушаю.»

Леора села напротив. Она знала Крелла много лет, ещё с тех пор, как проходила стажировку в следственном департаменте. Тогда он ещё говорил - негромким, сухим голосом, который странно контрастировал с его массивной фигурой. Но после одного дела, подробности которого были засекречены даже от неё, он принял обет молчания. Ходили слухи, что он стал свидетелем такого нарушения Эдикта Невысказанного, что сам язык, само Слово, обернулось против него. Что с тех пор он не может говорить, не причиняя боли себе и окружающим. Правда это была или нет, Леора не знала. Но она знала, что Крелл - один из немногих людей в Конкорде, кому можно доверять. Не полностью - полностью в Ательгарде не доверяли никому, - но в достаточной степени, чтобы поделиться частью правды.

- Магистр, - начала она, тщательно подбирая слова. - Две недели назад, проводя плановую ревизию архивных карт северо-восточного сектора, я обнаружила аномалию.

Крелл чуть наклонил голову, побуждая продолжать.

- Город Таль-Веран. Согласно архивной карте, датированной примерно сто двадцатым годом Новой Эры, это был крупный торговый центр с населением в пятьдесят четыре тысячи душ. Гарнизон Конкорда. Представитель всех Пределов. Стратегический узел. Этот город исчез.

Крелл взял новый лист. Его перо зашуршало.

«Исчез? Поясните.»

- Его нет ни на одной современной карте. Ни в одном торговом реестре. Ни в одном гарнизонном отчёте за последние десять лет. Я опросила купцов, чьи маршруты пролегали через тот регион. Они не помнят такого города. Более того, их путевые книги за прошлые годы показывают на месте Таль-Верана незаселённую лесистую местность. Я проверила метрические книги трёх соседних округов. Ни одного упоминания. Город не просто покинут или разрушен, магистр. Он полностью вычеркнут из реальности.

Наступила долгая пауза. Крелл смотрел на Леору, и его тёмные, глубоко посаженные глаза были непроницаемы. Затем он снова написал:

«Вы понимаете, о чём говорите? Это не просто исчезновение. Это онтологический коллапс. Если это правда, то нарушен фундаментальный принцип реальности. И это невозможно.»

- Три дня назад я бы ещё с вами согласилась, - ответила Леора. - Но вчера я встретила человека, который видел то же самое. Картограф. Он обнаружил, что маленькая деревня в пограничной зоне - Зольский Приют - была аналогичным образом стёрта. На её месте вырос лес возрастом в полвека. И у него есть карта.

Она сделала паузу, понимая, что следующая фраза может стоить ей карьеры. А возможно, и свободы.

- Дораскольная карта, магистр. Подлинная. Я видела её собственными глазами. Она... она поёт. Даже я слышала её голос. На ней отмечен Таль-Веран. И Зольский Приют. И ещё несколько десятков объектов, которые я не успела проверить.

Крелл замер. Его лицо, до того бесстрастное, на мгновение дрогнуло. Он быстро написал:

«Где сейчас эта карта?»

- У картографа. Его зовут Элиан Вар. Он согласился сотрудничать. Завтра мы выступаем к месту, где находился Таль-Веран.

Крелл откинулся на спинку стула. Его пальцы, всё ещё сжимавшие перо, едва заметно подрагивали. Леора знала этот жест: магистр просчитывал варианты. Его аналитический ум, который она так ценила, сейчас работал на полную мощность.

Прошло не меньше трёх минут, прежде чем он снова взялся за перо. На этот раз он писал дольше.

«Легат Айслен. То, что вы описываете, подпадает под юрисдикцию по меньшей мере трёх тайных статей Конкорда. *Статья 17: Несанкционированное изменение онтологических констант. Статья 34: Утаивание информации, угрожающей стабильности Пределов. Ста-*

тья 72: Контакт с артефактами дораскольной эпохи. По каждой из них предусмотрено наказание вплоть до Отлучения от Слова или Пожизненного Забвения. Вы это понимаете?»

Леора кивнула. Она понимала, что риск был колоссальный. Но и ставки были не маленькими.

- Я понимаю, магистр. Но я также понимаю, что если за этим кто-то стоит - кто-то, кто способен стирать целые города, - то молчание не спасёт ни меня, ни Конкорд. Это оружие. Или вообще инструмент. Не знаю пока, что именно. Но если его не остановить, следующим может стать любой из нас. Или все мы.

Крелл долго смотрел на неё. Затем написал:

«Чего вы хотите от меня?»

- Официального прикрытия. Или неофициального. Нам нужно расследование, которое дало бы мне доступ к архивным материалам высшего уровня секретности. Три дня - и я либо привезу доказательства, либо признаю, что ошиблась.

Новая пауза. Новый лист.

«Я не могу дать вам официальное разрешение. Для этого потребуется созыв Совета, а Совет займёт месяцы дебатов. Если то, что вы говорите, правда, у вас нет столько времени. Возможно, у вас нет и недели. Но я могу сделать кое-что другое.»

Он достал из внутреннего кармана камзола небольшой кожаный футляр и открыл его. Внутри, на бархатной подушечке, лежала серебряная пластина размером с ладонь, покрытая тончайшей гравировкой. Леора сразу узнала её: личный жетон следователя высшего ранга, дающий доступ к закрытым секциям архивов и право требовать содействия от любого чиновника Конкорда в ранге ниже советника. Крелл пододвинул пластину к ней через стол.

«Это мой жетон. Он даст вам доступ в отдел Особых Хранилищ на уровне „Омега“. Там есть документы, которые не видел никто, кроме глав Синода, которым уже лет триста. Возможно, вы найдёте там ответы. Или хотя бы правильные вопросы. Я даю вам его на семьдесят два часа. Не больше. И я ничего не знаю о вашем расследовании. Формально - вы действуете по собственной инициативе. Если вас поймут - я отрекусь от вас.»

Леора взяла пластину. Металл был холодным, и от него исходила странная, едва уловимая вибрация - защитное заклинание, настроенное на личную ауру Крелла. Теперь оно будет настроено и на неё.

- Благодарю вас, магистр, - сказала она искренне. - Я не забуду этого.

Крелл кивнул и написал последний лист:

«Не благодарите. Выясните правду. И будьте осторожны. Если то, что вы ищете, существует - то есть и те, кто хочет, чтобы это осталось похороненным. Возможно, они уже знают о вас. Возможно, за вами наблюдают. Доверяйте только тем, кому доверять нельзя. И помните: в Ательгарде у стен есть уши. А у слов - зубы.»

Леора прочла, сложила лист и поднесла его к пламени свечи, стоявшей на столе. Бумага вспыхнула и за несколько секунд превратилась в пепел. Так было принято: слова, сказанные наедине, должны исчезать бесследно.

Она поднялась, спрятала жетон во внутренний карман и направилась к выходу. У самой двери Крелл окликнул её - не голосом, но резким, отрывистым жестом. Она обернулась. Он писал на новом листе, на этот раз - торопливо, неровным почерком.

«Ещё одно. Картограф. Элиан Вар. Я проверил его досье, пока вы говорили. У него смешанная кровь. Отец - веридиец, мать - ательгардка из рода Эш-Валлис. Это важно. Род Эш-Валлис был хранителем одного из Эхо-листов. Их считали вымершим. Если он жив, и, если карта у него - он последний из их потомства. И он в опасности. Охраняйте его.»

Леора перечитала записку, и холодок пробежал у неё по спине. Род Эш-Валлис. Хранители Эха. Она читала о них в старых церковных хрониках, где их называли «еретиками, возмнившими себя равными Творцу». Но она никогда не связывала эти древние легенды с реаль-

ным, живым человеком. Элиан Вар. Последний хранитель. И карта у него не просто древняя. Она - ключ. Возможно, главный ключ ко всей этой истории.

Она молча кивнула Креллу и вышла из читального зала. В главном холле Хранилища было по-прежнему тихо и пустынно. Архивариусы скользили между стеллажами, как призраки. Леора направилась к лифту - механической кабине, которая спускалась на нижние уровни архива. Уровень «Омега» находился на глубине сорока метров под землёй, в скальном основании, на котором стоял город. Там не было ни окон, ни факелов - только холодный свет люминесцентных кристаллов, работающих от давления земных пород.

У входа на уровень стояли двое стражей в полном боевом облачении. Их лица скрывали серебряные маски - такие же, как на гербе Ательгарда. Леора предъявила жетон Крелла. Стражи переглянулись, один из них приложил к пластине свой перстень-идентификатор, и после короткой вспышки зелёного света они расступились. Тяжёлая дверь из цельного камня медленно, бесшумно отъехала в сторону.

Уровень «Омега» оказался меньше, чем она ожидала. Всего один зал, квадратов пятьдесят, с низким потолком и стенами, облицованными свинцовыми пластинами - защита от прослушивания и, возможно, от чего-то более опасного. Вдоль стен стояли стеллажи, но не деревянные, как наверху, а каменные, с герметичными ячейками, закрытыми стеклянными дверцами. В каждой ячейке лежал один документ или артефакт. Леора насчитала тридцать шесть ячеек. Тридцать шесть тайн, которые Конкорд счёл слишком опасными для обычных архивов.

Она начала методичный обход. Большинство документов не имели отношения к её поискам: протоколы допросов еретиков, образцы запрещённых текстов, фрагменты каких-то устройств, назначение которых было непонятно. Но в седьмой ячейке она нашла то, что заставило её сердце биться быстрее.

Это был свиток. Очень старый, судя по ломкости пергамента и выцветшим чернилам. Язык был не Сотрен и не всеобщий. Это был дораскольный имперский - тот самый, на котором была сделана надпись на Эхо-листе Элиана. Леора знала его лишь поверхностно, но этого хватило, чтобы разобрать заголовок:

«Предварительные результаты эксперимента «Картомантическая Привязка». Стадия III.

Только для внутреннего пользования Коллегии. Копия №4 из 7. Уничтожить после прочтения».

Ниже шли столбцы цифр, схемы, диаграммы. И карта. Небольшая, но детальная - фрагмент какого-то региона, с нанесёнными на него линиями, похожими на силовые потоки. Сбоку от карты была приписка, сделанная явно другим почерком, более поздним:

«Привязка нестабильна. Требуется физический якорь. Без якоря карта не удерживает реальность. Изменения обратимы. Для необратимой редакции необходимо воздействие непосредственно на Первокарту. Местоположение Первокарты неизвестно. Предположительно - под центральным шпилем Коллегии. Доступ закрыт с уровня -12. Дальнейшие исследования прекращены по приказу Прими-Скриптора. Причина: опасность Разрыва Ткани».

Леора перечитала последний абзац трижды. Первокарта. Якорь. Редактура реальности. Это были не мифы. Не легенды. Это была технология. Технология, которую использовали до Раскола. И которую, судя по всему, кто-то использует сейчас.

Она тщательно, строчку за строчкой, переписала документ в свой блокнот. Затем вернула свиток на место и продолжила поиски. В одиннадцатой ячейке она нашла ещё один фрагмент - на этот раз письмо. Бумага была новее, примерно трёхсотлетней давности. Почерк - убогий, нервный. Язык - всеобщий.

«...и я повторяю: деревня, известная как Карн-Таэль, более не существует. Я послал трёх курьеров проверить слухи, и все трое вернулись с одним и тем же: деревни нет. Никто

из окрестных жителей её не помнит. Дорога, ведущая к ней, обрывается в чистом поле. На месте деревни - скальный выступ, которого, я клянусь, не было ещё месяц назад. Это не первый случай. Я собрал сведения: за последние пятьдесят лет в разных частях континента бесследно исчезли одиннадцать населённых пунктов разного размера. Все - в зонах с повышенным уровнем остаточного фона Раскола. Я полагаю, что процесс, запущенный тысячу лет назад, не завершён. Он продолжается. И он ускоряется. Прошу разрешения на полномасштабное расследование. Ответа нет уже полгода. Это письмо - последнее. Если оно не дойдёт, значит, я следующий. Да хранит вас Ткань».

Подписи не было. Только дата: 714 год Новой Эры. Почти триста лет назад.

Леора переписала и это. Затем проверила оставшиеся ячейки. В последней, тридцать шестой, она нашла предмет, который заставил её замереть на месте. Это был не документ. Это был обломок камня. Маленький, размером с кулак, с острыми, будто свежесколотыми краями. Но камень был странный: его поверхность была покрыта тончайшими линиями, напоминающими контуры карты. И в центре обломка пульсировала слабая, едва заметная искра света. Тёплого. Живого.

Рядом с обломком лежала сопроводительная записка:

«Фрагмент неизвестного артефакта. Предположительно - часть Карты Камня. Обнаружен в Шраме, сектор 7, глубина 200 метров. Радиоуглеродный анализ невозможен: материал не имеет возраста в известном понимании. Свет не гаснет. При прикосновении вызывает у некоторых субъектов видения. Рекомендация: не трогать голыми руками. Хранить в изолированной ячейке до особого распоряжения. Распоряжения нет уже четыреста лет».

Леора стояла перед ячейкой, чувствуя, как колотится сердце. Карта Камня. Фрагмент. Свет, который не гаснет. Она вспомнила, что говорил Элиан: картоманты могли создавать карты, которые служили якорями реальности. А что, если существовала некая главная карта? Первокарта? Та, о которой говорилось в свитке? И что, если она была не бумажной, а каменной? Что, если её осколки всё ещё существуют, разбросанные по континенту после Раскола? И что, если кто-то нашёл способ собрать их - или использовать один из них для переписывания реальности?

Она протянула руку к стеклянной дверце, но отёрнула её. Нет. Сейчас не время. Она вернётся сюда позже. С Элианом. С его Эхо-листом. Возможно, вместе они смогут понять, что такое этот обломок и как он связан с исчезновением городов. А пока - нужно спешить. Семьдесят два часа. За это время она должна успеть попасть в Таль-Веран и вернуться обратно.

Она покинула уровень «Омега», миновала посты стражи и поднялась на поверхность. У выхода из Хранилища её уже ждал посыльный - молодой паренёк в форме гарнизонной службы.

- Легат Айслен? - спросил он, запыхавшись. - Вам пакет из Седьмого форта. Срочный.

Леора взяла запечатанный конверт, сломала печать и быстро пробежала глазами короткое сообщение. Его отправил комендант форта, старый друг её семьи.

«Легат. Тот человек, о котором вы спрашивали, - хронос-сапёр Дорен Рагг. Он здесь. Согласился на встречу с вами, хотя был... скажем так, не в восторге. Будьте осторожны. С ним непросто. И ещё: ваш картограф, мастер Вар, прибыл в форт вчера вечером. Он ждал вас. Выглядит так, будто увидел призрака. Возможно, так и есть. Жду вас завтра. Комендант Торвальд».

Леора спрятала письмо в карман. Дорен Рагг. Она навела о нём справки заранее, ещё до того, как покинуть столицу. Бывший элитный солдат Каэльтаса, специалист по темпоральным диверсиям. Участвовал в Карминовой Кампании десять лет назад, где его отряд попал в засаду и был почти полностью уничтожен. Рагг выжил, но его личный хронометраж был нарушен. Он пережил шесть часов субъективного времени за три секунды реального. После этого он уволился, ушёл в наёмники и, по слухам, жил в постоянной темпоральной десинхронизации - отставал от нормативного времени примерно на семь десятых секунды. Для обычного человека

это звучало как пустяк. Для жителя Каэльтаса это было приговором к вечному одиночеству: они привыкли жить в едином ритме, и любое расхождение воспринималось как уродство.

Но Леору интересовало другое. Хронос-сапёры, работавшие с темпоральными аномалиями, часто развивали в себе способность чувствовать время. Не просто измерять его приборами, а ощущать его течение, его сбои, его разрывы. Если кто-то и мог заметить «правку» реальности на уровне времени - так это Дорен Рагг. Его рассинхронизация была не только проклятием, но и даром. Возможно, он сам ещё не понимал этого.

Леора сложила письмо и быстрым шагом направилась к конюшням, где её ждала оседланная лошадь. До Седьмого форта было полдня пути. Если выехать сейчас, она будет на месте к вечеру. А завтра на рассвете они отправятся в Таль-Веран - она, картограф с дораскольной картой, и хронос-сапёр, живущий в собственной временной петле. Компания, подходящая для путешествия в сердце безумия.

Она вскочила в седло и, бросив последний взгляд на мрачные башни ательгардской столицы, пустила лошадь в галоп. Ветер ударил в лицо, пахнувший гарью, пылью и чем-то неуловимо сладким - возможно, цветущим где-то далеко вереском. Но Леора не чувствовала вкуса ветра. Она чувствовала вкус лжи. Той лжи, которая пропитала каждый документ, каждую карту, каждое слово, сказанное за последние десять лет. Мир лгал ей. И она намеревалась выяснить, почему.

Глава 4

Дорога от Седьмого форта на северо-восток считалась безопасной. Именно это слово - «безопасная» - употребил комендант Торвальд, когда на рассвете провожал маленький отряд у ворот. Он стоял, уперев руки в бока, старый служака с седыми усами и шрамом через всё лицо, и смотрел на них с тем особенным выражением, какое бывает у людей, слишком много повидавших на границе. Он смотрел так, словно хотел что-то добавить, но не решался.

- Безопасная, - повторил он наконец. - Насколько вообще может быть безопасной дорога вблизи зоны Истечения. Патрули ходят раз в три дня. Разбойников нет - какие разбойники сунутся туда, где земля может в любой момент стать водой, а вода - огнём? Но... - он замолчал, пожевал губами, - будьте осторожны. Последний патруль вернулся на день позже, чем должен был. Сказали, что сбились с пути. А картограф из них был один из лучших в гарнизоне.

Элиан, проверявший подпруги на своём новом коне - гнедом мерине по кличке Игнис, предоставленном фортом взамен оставленного в конюшне Скрипа, - поднял голову.

- Картограф сбился с пути? - переспросил он. - Его имя?

- Лейтенант Корвин, - ответил комендант. - Молодой, старательный. Учился в Академии, правда, не доучился - забрали в армию. Но карты чертил отменные.

- Я знаю Корвина, - медленно произнёс Элиан. - Мы вместе стажировались в Коллегии. У него был абсолютный топографический инстинкт. Он мог найти дорогу в тумане, в метель, в полной темноте. Он никогда не сбивался с пути. Никогда.

Комендант и Леора обменялись быстрыми взглядами. Дорен Рагг, сидевший на своём тяжеловозе - огромном, мохноногом коне каэльтасской породы, специально обученном не реагировать на временные и погодные аномалии, - сплюнул на землю коричневую от жевательного табака слюну и произнёс первую за всё утро фразу:

- Значит, путь изменился.

Голос у него был низкий, с хрипотцой, и говорил он с той особенной, чуть растянутой интонацией, которая выдавала в нём уроженца Каэльтаса. Каждое слово он произносил так, словно взвешивал его на ладони, прежде чем выпустить в мир. И между словами были паузы. Не большие, в долю секунды, но заметные, если прислушаться. Словно он жил в собственном ритме, на семь десятых секунды медленнее всего остального мира.

- Пути не меняются сами по себе, - возразил Элиан. - Дорога - это не река. Она не течёт.

- Раньше не текла, - всё так же медленно ответил Дорен. - А теперь, может, и течёт. Ты же сам говорил: река, которую ты нанёс на карту две недели назад, теперь течёт по-другому. Или не ты?

Элиан не ответил. Возразить было нечего.

Они выехали из ворот форта, когда солнце только-только показалось над горизонтом, окрасив холмы в розовато-золотистые тона. Утро было ясным и прохладным, воздух пах влажной землёй и цветущим вереском. Где-то вдалеке пел жаворонок. Идиллия, подумал Элиан. Идиллия, которая вот-вот кончится.

Отряд состоял из четырёх человек. Элиан, ехавший впереди с планшетом в руке, постоянно сверялся с картой и местностью. Леора - в центре, прямая и напряжённая, как струна, готовая лопнуть. Дорен - чуть позади, на своём мохноногом коне, который, казалось, дремал на ходу. И замыкающий - молодой солдат из гарнизона по имени Тобин, которого комендант выделил в сопровождение. Тобин был молчалив, старателен и явно нервничал. Он никогда не бывал так далеко от форта.

Первые два часа пути прошли без происшествий. Дорога - старая имперская, мощённая тёсаным булыжником, - бежала через холмы, то взбираясь на гребень, то ныряя в неглубокие лощины. Пейзаж был мирным, даже скучным: пастбища, перелески, редкие хутора, жители

которых провожали путников долгими, настороженными взглядами. На карте Элиана, составленной две недели назад, всё было точно. Каждый поворот дороги, каждый ручей, каждая роща находились на своих местах.

Но где-то к полудню всё изменилось.

Первым заметил Элиан. Он ехал, по привычке отсчитывая шаги коня и мысленно нанося их на координатную сетку, когда понял, что цифры не сходятся. Согласно его расчётам, они должны были уже пройти развилку, где дорога расходилась надвое: левое ответвление вело к заброшенной каменоломне, правое - дальше на северо-восток. Но развилки не было. Дорога тянулась прямо, однообразно, без единого признака разветвления.

- Стойте, - сказал он, натягивая поводья.

Конь послушно остановился. Леора и Дорен подъехали ближе.

- В чём дело? - спросила Леора.

Элиан не ответил. Он спрыгнул с коня и, достав из планшета свою карту, разложил её прямо на дорожных булыжниках. Потом достал Эхо-лист и развернул его рядом. Две карты. Одна - новая, нарисованная его собственной рукой две недели назад. Другая - древняя, созданная тысячу лет назад. И между ними было расхождение.

На его собственной карте дорога расходилась надвое. Развилка была отмечена чётко, с указанием азимутов и расстояний. На Эхо-листе дорога шла прямо. Никакой развилки. Никакой каменоломни. Только прямой путь через холмы.

- Развилка исчезла, - произнёс Элиан. Голос его звучал глухо. - И каменоломня тоже.

Леора спешила и склонилась над картами. Её лицо, как всегда, оставалось бесстрастным, но пальцы, сжимавшие поводья, побелели.

- Может быть, вы ошиблись, когда чертили? - предположила она без особой надежды в голосе.

- Я не ошибаюсь в таких вещах, - ответил Элиан. - Я провёл здесь две недели. Я лично измерил расстояние до развилки. Четыре тысячи триста двадцать шагов от перекрёстка с оросительным каналом. Мы прошли перекрёсток полчаса назад. Развилка должна быть здесь. Но её нет.

Дорен, не слезая с коня, медленно обвёл горизонт взглядом. Его глаза, тёмные и глубоко посаженные, на мгновение задержались на чём-то вдалеке, у линии холмов.

- Туман, - сказал он.

Элиан и Леора посмотрели туда, куда он указывал. На востоке, у подножия дальних холмов, клубился туман. Но это был странный туман. Он не стелился по земле, как обычный утренний туман. Он стоял стеной. Ровной, вертикальной стеной, словно кто-то провёл по ландшафту гигантской линейкой и отрезал часть мира.

- Этого не было на моей карте, - сказал Элиан.

- И на моей тоже, - добавила Леора.

- Значит, появилось недавно, - заключил Дорен. - Как твой лес. Как твоя река. Пиши ещё одну правка.

Они стояли на пустой дороге, посреди мирных, залитых солнцем холмов, и смотрели на стену тумана, которой здесь быть не должно. Жаворонок всё ещё пел где-то в небе, но его песня теперь казалась издёвкой. Тобин, молодой солдат, нервно перебирал пальцами по древку копья.

- И что теперь? - спросил он, и голос его дрогнул. - Мы поедем туда?

- У нас нет выбора, - ответила Леора. - Таль-Веран находится в той стороне. Если дорога изменилась, мы должны понять, как именно. И почему. Это наша работа.

- Моя работа - охранять вас, - пробормотал Тобин, но без особой уверенности. - Комендант сказал: дальше туманной стены не соваться.

- Комендант сказал это тебе, - отрезала Леора. - А мне он сказал: делать всё, что требуется. Ты можешь вернуться. Мы продолжим без тебя.

Тобин заколебался. Он переводил взгляд с Леоры на стену тумана, с тумана на Элиана, с Элиана на Дорена. Дорен смотрел на него без всякого выражения - так смотрят на пустое место. И это, кажется, решило дело.

- Я останусь, - сказал Тобин, хотя голос его звучал так, словно он только что подписал себе приговор.

Они двинулись дальше. Дорога, лишённая развилки, вела их прямо к стене тумана. Чем ближе они подъезжали, тем отчётливее становилась эта стена. Это был не просто туман. Это была граница. Резкая, как лезвие ножа. По одну сторону - солнечный день, зелёные холмы, пение птиц. По другую - серая, клубящаяся мгла, из которой не доносилось ни звука. Ни птичьего крика, ни шелеста ветра, ни шороха травы. Ничего.

Элиан остановил коня в десяти шагах от границы. Он чувствовал её кожей - как покалывание, как слабый электрический разряд, пробегающий по рукам и шее. Воздух здесь был другим: более плотным, более вязким, с каким-то металлическим привкусом на языке. А ещё он чувствовал запах. Станный, незнакомый запах - не гнили, не гари, не сырости. Так пахнет старая бумага. Или чернила. Или... библиотека. Такая, какой она была в детстве, когда мать приводила его в архив Ательгарда, и он, маленький, замороженно смотрел на бесконечные ряды фолиантов, от которых исходил этот самый запах - запах знаний, запах времени, запах слов.

- Пахнет книгами, - сказал он вслух.

- Чернилами, - одновременно с ним произнесла Леора. Она тоже это чувствовала. - Пахнет чернилами и старым пергаментом. Как в Хранилище.

- Это не туман, - медленно, с расстановкой произнёс Дорен. Он спешил и подошёл к самой границе. Его тяжёлые сапоги остановились в дюйме от линии, разделяющей свет и мглу.

- Это Истечение. Сильное. Очень сильное. И оно... пахнет. Раньше я такого не встречал.

Он протянул руку к стене тумана. Леора сделала движение, чтобы остановить его, но не успела. Пальцы Дорена коснулись серой мглы.

В тот же миг он отдёрнул руку, как от ожога. Его лицо, обычно флегматичное и непроницаемое, исказилось гримасой боли - или чего-то, что было сильнее боли.

- Что? - спросил Элиан. - Что ты почувствовал?

Дорен не ответил сразу. Он смотрел на свою руку, на кончики пальцев, которые всё ещё слегка подрагивали. Затем перевёл взгляд на стену тумана - и в его глазах Элиан впервые увидел нечто похожее на страх.

- Время, - сказал Дорен. - Там, внутри, время течёт... неправильно. Не так, как должно. Не быстро и не медленно. Оно... заиклено. Как будто кто-то взял один и тот же момент и прокручивает его снова и снова. Как заезженную пластинку. - Он сжал и разжал кулак, разгоняя кровь. - И ещё. Там кто-то есть. Я почувствовал присутствие. Не человека. Скорее... эхо человека. Как будто кто-то прошёл здесь только что, но на самом деле - очень давно.

- Мнемонический хищник? - спросила Леора. Её голос был спокоен, но Элиан заметил, как она незаметно положила ладонь на рукоять короткого клинка, висевшего у неё на поясе.

- Нет, - ответил Дорен. - Хищники активны. Они двигаются, охотятся, преследуют. Это не хищник. Это... отпечаток. След. Как будто кто-то прошёл здесь и оставил часть себя. Или, наоборот, - он нахмурился, подбирая слова, - как будто кто-то должен был пройти здесь, но не прошёл. И реальность всё ещё ждёт его.

Элиан слушал и чувствовал, как в голове медленно, словно шестерёнки гигантского механизма, проворачиваются мысли, факты, гипотезы. Заикленное время. Отпечатки. Реальность, которая ждёт. Всё это складывалось в картину, которая ему очень не нравилась.

- Это не просто Истечение, - сказал он наконец. - Это черновик. Незаконченная правка. Кто-то начал переписывать этот участок реальности, но не довёл дело до конца. Бросил на полуслове. И теперь реальность застряла между «было» и «должно быть». Поэтому здесь туман.

Поэтому время зациклено. Поэтому пахнет чернилами. Мы находимся внутри процесса редактирования, который кто-то поставил на паузу.

Леора несколько секунд молчала, обдумывая его слова. Затем кивнула.

- Это объясняет многое. Но не всё. Почему редактор остановился? Что ему помешало?

- Может быть, он умер, - предположил Дорен.

- Или его отвлекли, - добавил Элиан. - Или он передумал. Или... - он замолчал, потому что в его голове внезапно всплыла картина: девушка с разными глазами, стоящая на краю ясеневоего леса. «Уходи, пока редактор не заметил», - сказала она. Не «не вернулся». Не «не закончил». «Не заметил». Словно редактор был всё ещё там, рядом, просто смотрел в другую сторону. - Или он всё ещё здесь. И наблюдает за нами.

Они невольно огляделись по сторонам. Холмы были пусты. Жаворонок умолк. Ветер стих. Мир замер, словно затаив дыхание. И в этой тишине Элиан вдруг отчётливо, до дрожи в позвоночнике, осознал: они не одни. Что-то смотрело на них из тумана. Что-то, у чего не было глаз, но что видело всё.

- Нужно идти вперёд, - сказала Леора. Голос её звучал твёрдо, но Элиан заметил, как побелели костяшки пальцев, сжимавших рукоять клинка. - Если мы хотим понять, что случилось с Таль-Вераном, мы должны пройти через это.

- Согласен, - сказал Дорен. - Но пешком. Лошади здесь не пойдут. Они чувствуют то же, что и я. Для них это место - как открытая рана.

Они спешили. Тобин, который всё это время сидел на своём коне молча, с побелевшим лицом, тоже спустился на землю. Он был напуган - это было видно по тому, как дрожали его руки, когда он привязывал лошадей к придорожному камню, - но держался. Элиан невольно проникся к нему уважением. Мальчишка, по сути, ещё ребёнок, а ведёт себя достойнее иных ветеранов.

- Оставь лошадей, - сказал Дорен Тобину. - И возьми вот это. - Он протянул ему небольшой амулет на цепочке: тускло поблёскивающий металлический диск с выгравированной на нём спиралью. - Хронометр. Каэльтасская работа. Если почувствуешь, что время пошло вразнос - сожми его в кулаке. Поможет удержаться в своём потоке.

Тобин благодарно кивнул и надел амулет на шею. Элиан тем временем достал из походной сумки компас. Стрелка вела себя странно: она не крутилась, как обычно бывает в зонах Истечения, а замерла, слегка подрагивая, указывая куда-то внутрь туманной стены. Словно там, в глубине, находился источник магнитного поля. Или чего-то, что заменяло магнитное поле в этом месте.

- Компас работает, - сказал он. - По крайней мере, показывает направление.

- Тогда идём, — скомандовала Леора. — Держимся все вместе. Никакой самодеятельности. Если кто-то что-то увидит или почувствует - сразу об этом сообщает. Мы не знаем правил этого места, поэтому любая мелочь может оказаться важной.

И они шагнули в туман.

Переход был мгновенным – и, словно, бесконечным. Одно дело стоять на границе, чувствуя холодок и покалывание, и совсем другое - погрузиться в серую мглу целиком. В первый миг Элиану показалось, что он ослеп и оглох одновременно. Свет исчез. Все звуки исчезли. Даже ощущение собственного тела стало каким-то отстранённым, словно он смотрел на себя со стороны. Он чувствовал, как ноги ступают по твёрдой поверхности - видимо, дорога сохранилась и здесь, - но не мог бы сказать с уверенностью, что это его ноги. И его поверхность.

Потом ощущения вернулись. Сначала - слух: он услышал собственное дыхание, глухое и частое. Потом - зрение: туман перед глазами обрёл глубину, стал не сплошной стеной, а сложной, многослойной дымкой. Потом - осязание: холодная влага осела на лице, на руках, на одежде. И наконец - запах. Тот самый запах чернил и старой бумаги, но теперь к нему при-

мешивалось что-то ещё. Что-то острое, химическое, похожее на запах свежей типографской краски. Или крови.

Они стояли на дороге. Той же самой дороге, по которой шли снаружи. Но всё вокруг изменилось. Небо - если это можно было назвать небом - висело низко, серое, однородное, без единого облачка и без единого проблеска солнца. Оно напоминало лист бумаги, на котором кто-то попытался нарисовать пасмурный день, но поленился прорабатывать детали. Холмы, которые должны были возвышаться по обе стороны дороги, превратились в размытые силуэты, лишённые текстуры и цвета, словно набросанные углём на сером фоне. Трава под ногами была настоящей - Элиан наклонился и потрогал её, - но какой-то вялой, безжизненной, как будто из неё высосали все соки.

А впереди, метрах в пятидесяти, виднелось что-то, чего не должно было быть на этом участке дороги. Какое-то строение. Или, скорее, остов строения - полуразрушенные стены, сложенные из грубого, неотёсанного камня. Оно было похоже на... храм? Или сторожевую башню? Или, может быть, на...

- Это каменоломня, - внезапно произнёс Элиан. Он узнал очертания. Он рисовал их две недели назад, когда наносил на карту этот участок. Старая, заброшенная каменоломня, откуда когда-то возили камень для строительства фортов. Она исчезла из реального мира, но здесь, внутри незаконченной правки, она всё ещё существовала. Как черновик, который стёрли, но не до конца. - Это та самая каменоломня, что была на моей карте. Она не исчезла. Её перенесли сюда. Или... - он запнулся, пытаясь подобрать аналогию, - или её вырезали из основного текста и вставили сюда, как сноску.

- Значит, это место - что-то вроде корзины для удалённых фрагментов? - спросила Леора.

- Похоже на то. Редактор не уничтожает объекты полностью. Он перемещает их в буфер. В черновик. Как я делаю, когда рисую карту: если линия не получается, я не стираю её, а рисую новую поверх. Старая остаётся, просто её не видно под новым слоем. Только здесь старый слой не перекрыт. Он просто... отложен в сторону.

Дорен, который всё это время молча осматривался, вдруг издал странный звук - что-то среднее между вздохом и сдавленным стоном. Он стоял, вцепившись рукой в грудь, и смотрел в одну точку - на дорогу, туда, где серая мгла была особенно густой.

- Там, - произнёс он с трудом. - Опять. То же чувство. Время зациклено. Очень сильно. Как будто кто-то проживает один и тот же миг. Снова, и снова, и снова. И не может вырваться.

- Кто? - спросила Леора.

- Не знаю. Но я могу... могу попробовать настроиться. Если это эхо человека, я, возможно, смогу его услышать. Или увидеть. - Он повернулся к Леоре, и в его глазах мелькнуло что-то, чего Элиан раньше не замечал: странная смесь боли и решимости. - Но для этого мне нужно будет войти в Грязь. Полностью. Не на семь десятых секунды, а глубже. Намного глубже. Это... неприятно. И опасно. Я могу не вернуться.

- Что значит «не вернуться»? - резко спросила Леора.

- Моё время и так течёт медленнее вашего, - объяснил Дорен. - Сейчас я отстаю на семь десятых секунды. Это терпимо. Я могу жить, двигаться, говорить. Но если я погружусь глубже - намного глубже, до уровня, где застряло это эхо, - я могу застрять вместе с ним. Моё время может синхронизироваться с его временем. И тогда я буду вечно проживать один и тот же момент. Как он.

- Мы не можем так рисковать, - сказал Элиан.

- Можете, - возразил Дорен. - Потому что другого способа узнать, что здесь произошло, у вас нет. Карты ничего не покажут. Компас не покажет. Только время. А время - это моя специальность. - Он криво усмехнулся, и усмешка эта вышла совсем не весёлой. - Я всё равно уже мёртв. Просто моя смерть растянута на десятилетия. А так я хотя бы узнаю, ради чего.

Он не стал ждать ответа. Он сел прямо на дорогу, скрестив ноги, положил руки на колени и закрыл глаза. Его дыхание замедлилось, стало глубоким и размеренным. Воздух вокруг него начал дрожать - едва заметно, как дрожит воздух над раскалённой мостовой в жаркий полдень. А потом время остановилось.

Нет, не для всех. Элиан чувствовал, как бьётся его сердце, как ветер касается лица, как пальцы сжимают ремень планшета. Но Дорен перестал двигаться. Совсем. Он сидел, застыв, как статуя, и даже его лицо превратилось в маску - неподвижную, безжизненную, с закрытыми глазами и полуоткрытым ртом. Казалось, он не дышит. Казалось, он умер.

- Что с ним? - испуганно спросил Тобин.

- Он там, - ответил Элиан. - Внутри своего времени. Глубже, чем мы можем представить. Теперь остаётся только ждать.

Ждать пришлось долго. По крайней мере, так казалось. В сером безвременье туманного мира трудно было судить о ходе минут. Элиан пытался считать удары сердца, но быстро сбился. Леора стояла неподвижно, как изваяние, не сводя глаз с Дорена. Тобин нервно переминался с ноги на ногу.

А потом Дорен открыл глаза.

Это произошло внезапно, без предупреждения. Одно мгновение - и он уже смотрел на них, и в его взгляде было что-то такое, отчего у Элиана кровь застыла в жилах. Это были не глаза человека, который только что очнулся от сна. Это были глаза человека, который видел нечто, чего не должен был видеть никто из живущих.

- Я знаю, - произнёс Дорен. Голос его был хриплым, надтреснутым, словно он не говорил несколько лет. - Я знаю, что случилось с этим местом. И с Таль-Вераном. И со всеми остальными.

Он медленно, с трудом поднялся на ноги. Леора шагнула к нему, чтобы поддержать, но он отстранился.

- Это не редактор, - сказал он. - Точнее, не просто редактор. Это... - он замолчал, подбирая слова. - Ты был прав, картограф. Кто-то переписывает мир. Но это не живой человек. Это машина. Или заклинание. Или что-то среднее. Что-то, что работает автоматически. Как часы. Как печатный пресс. Оно берёт реальность и переписывает её по заданному шаблону. И оно делает это уже очень, очень давно. Возможно, с самого Раскола.

- Что ты видел? - спросила Леора.

- Я видел их. Тех, кто жил в каменоломне. Рабочих. Стражников. Женщин. Детей. Их было около сотни. Когда началась правка, они не исчезли. Они все застряли. Редактор попытался стереть это место, но что-то пошло не так. Может быть, шаблон был повреждён. Может быть, помешала зона Истечения. Но правка не завершилась. И они застряли в цикле. Проживают последний момент своей жизни снова и снова. И снова. - Он закрыл глаза и потёр переносицу. - Я слышал их. Всех. Сто голосов, кричащих одно и то же в одно и то же мгновение. Тысячу лет. Десять тысяч лет. Я не знаю, сколько это длилось. Для них - один миг. Для меня - вечность.

Элиан почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Сто человек. Мужчины, женщины, дети. Запертые в бесконечном цикле последнего мгновения. И это не просто метафора. Это буквально так и есть. Они всё ещё там. Кричат. Умирают. И снова кричат.

- Мы можем их освободить? - спросил он.

- Не знаю, - ответил Дорен. - Может быть, если найдём источник правки. Может быть, если уничтожим шаблон. Но пока... - он покачал головой. - Пока мы ничего не можем сделать. Кроме как идти дальше. В Таль-Веран. Там, я думаю, всё ещё хуже. Пятьдесят тысяч человек. И они тоже застряли. Я чувствовал их. Слабо, на самой границе восприятия. Они там. И они все ждут.

- Ждут чего? - спросил Тобин. Голос его дрожал. - Освобождения?

- Нет, - ответил Дорен. - Они ждут конца правки. Когда редактор закончит свою работу и перепишет их окончательно. Тогда они исчезнут уже по-настоящему. И никто никогда о них не вспомнит.

В сером безмолвии туманного мира эти слова прозвучали как приговор. И где-то вдалеке, за пеленой мглы, что-то зашевелилось. Что-то огромное. Что-то, что почувствовало их присутствие и начало медленно, неумолимо приближаться.

Элиан увидел это первым. Тень в тумане. Гигантскую, бесформенную тень, которая двигалась не как живое существо, а как... как чернильное пятно, расползающееся по бумаге. Она поглощала серый свет, высасывала его из пространства, оставляя за собой абсолютную, непроницаемую черноту.

- Что это? - прошептал Тобин.

- Редактор, - ответила Леора. Голос её был спокоен, но клинок уже был в её руке. - Или его часть. И оно, кажется, заметило нас.

- Бежим? - предложил Тобин.

- Нет, - сказал Элиан. Он смотрел на приближающуюся тень, и в его голове, перекрывая страх, звучала одна-единственная мысль: это оно. То, что переписывает мир. То, что стёрло Зольский Приют. То, что уничтожило Таль-Веран. То, что держит сотни людей в вечной петле последнего мгновения. И сейчас оно здесь. Не в легендах, не в гипотезах, не в архивных записях. Здесь и сейчас. - Бежать бесполезно. Оно догонит. Нужно... нужно что-то другое.

- Что? - резко спросила Леора. - Говори, картограф. Что?

И тогда Элиан сделал то, что подсказала ему интуиция - та самая интуиция, которая всегда помогала ему находить дорогу там, где её не было. Он расстегнул тубус, достал Эхोलист и развернул его перед собой, держа на вытянутых руках, как щит.

Древняя карта вспыхнула. Нет, не огнём - светом. Тёплым, золотистым, живым. Он хлынул от пергамента во все стороны, разгоняя серый туман, и тень остановилась. Замерла. А потом - отступила. На шаг, другой, третий.

- Оно боится карты, - прошептал Элиан. - Оно боится Эха.

- Не карты, - поправила его Леора. - Оно боится истины. Эхо - это истина, зафиксированная до того, как начались правки. Это и есть оригинал. А редактор работает с копией. И

копия не может противоречить оригиналу. - Она шагнула вперёд и встала рядом с Элианом. - Держите эхо-лист. Не опускайте. Мы выйдем. Мы выйдем отсюда.

Они двинулись вперёд - медленно, шаг за шагом. Элиан держал Эхо-лист перед собой, и древний пергамент пел. Он пел голосом, который слышали все - даже Дорен, даже Тобин. Голосом, в котором звучали горы и реки, леса и города, те, что были, и те, что исчезли. Это была песня целого мира. Мира, который когда-то был един.

Тень отступала. Она не исчезала - она просто держалась на расстоянии, клубясь и пульсируя, словно зверь, который не решается напасть, но и не хочет упускать добычу. Она провожала их до самой границы туманной стены. А потом, когда они шагнули обратно в солнечный свет, она осталась позади. Но перед тем, как туман сомкнулся за их спинами, Элиан услышал - или ему показалось? - тихий, шелестящий шёпот, похожий на звук переворачиваемой страницы:

«Вы не остановите правку. Вы - лишь примечание на полях. А поля будут обрезаны».

Солнечный свет ударил в глаза. Настоящий, живой, тёплый. Они стояли на дороге, там же, откуда ушли - или им только казалось, что там же. Лошади были на месте. Холмы зеленели. Жаворонок - или другой жаворонок - снова пел в вышине. Мир был прежним.

Но Элиан знал: это иллюзия. Мир изменился. И он продолжает меняться. И где-то там, за стеной тумана, за серой мглой, за чернильной тенью, сто человек всё ещё умирают в бесконечном цикле. И пятьдесят тысяч - в Таль-Веране - ждут своей очереди.

- Мы должны идти дальше, - сказал он, сворачивая Эхо-лист. Голос его звучал глухо, но решительно. - Теперь мы знаем врага в лицо. Знаем, чего он боится. И знаем, что у нас есть против него оружие. Это уже кое-что.

- Кое-что, - согласился Дорен. Он всё ещё выглядел бледным, но в его глазах больше не было страха. Только холодная, мрачная решимость. - Но этого мало. Нам нужно больше информации. И я знаю, у кого её можно получить.

- У кого? - спросила Леора.

- У той девушки, - ответил Дорен. - Сэйры. Той, что видит трещины. Той, что говорила с тобой в лесу. Она знает больше, чем говорит. Возможно, она знает, как остановить редактора. Или хотя бы как замедлить его.

Элиан кивнул. Он сам подумал о том же.

- Она сказала, что заметит, если я появлюсь снова, - произнёс он. - Не знаю, правда ли это. Но если она действительно видит то, чего не видим мы, возможно, она уже знает, что мы здесь. И, возможно, она сама нас найдёт.

- А если нет? - спросил Тобин.

- Тогда мы найдём её, - ответил Элиан. - Но сначала - Таль-Веран. Мы должны увидеть своими глазами, что стало с городом. Должны зафиксировать это. Документально. Картографически. Чтобы правда осталась. Даже если сам город исчезнет навсегда.

Леора одобрительно кивнула. Дорен пожал плечами - жест, который мог означать что угодно. Тобин глубоко вздохнул, поправил амулет на шее и приготовился следовать за ними. Куда бы ни вела дорога.

А дорога вела на северо-восток. Через холмы, через перелески, через мирные, залитые солнцем пастбища, которые выглядели так, словно ничего не случилось и никогда не случится. Но Элиан знал: это неправда. Случилось. И продолжает случаться. И каждый шаг приближает их к эпицентру катастрофы.

К городу, которого нет. К Таль-Верану.

Глава 5

К вечеру они достигли места, где дорога окончательно переставала быть дорогой. Одно лишь название от неё. Дорога!

Но это произошло не сразу. Сначала ландшафт менялся медленно, почти незаметно - так меняется цвет неба на закате, когда невозможно уловить момент перехода от голубого к розовому, от розового к багряному. Трава вдоль обочины стала реже и жёстче, сменившись какими-то низкорослыми, искривлёнными кустарниками с тёмными, почти чёрными листьями. Птицы, ещё недавно оглашавшие окрестности разноголосым пением, одна за другой умолкали, и вскоре тишина сделалась почти осязаемой - плотной, вязкой, как патока. Воздух приобрёл странный привкус, который Элиан не мог идентифицировать: что-то среднее между запахом озона после грозы и металлическим привкусом крови. А вскоре исчезли и холмы.

Это было самое странное. Холмы не кончились внезапно - они просто перестали существовать. Горизонт раздвинулся, словно кто-то разгладил складки на ткани, и перед путниками открылась равнина. Бескрайняя, плоская, как стол, равнина, покрытая низкой, сероватой травой, которая шелестела под ветром с таким звуком, словно перебирали страницы гигантской книги. Небо над равниной было бледным, выцветшим, с неестественно ровной полосой облаков на западе. Облака стояли неподвижно, словно нарисованные. Словно часть пейзажа, которую художник набросал вчерне и отложил до лучших времён.

Элиан остановил коня и развернул карту. Его собственную, современную, составленную две недели назад. На карте, в этом самом месте, значилась гряда невысоких лесистых холмов под названием Гребень Трёх Ветров. Холмы должны были тянуться на десять лиг к востоку, постепенно понижаясь и переходя в ту самую равнину, на которой они сейчас находились. Но холмов не было. Их не было вообще. Они исчезли так же, как развилка у каменоломни. Так же, как Зольский Приют. Так же, как Таль-Веран.

- Гребень Трёх Ветров, - произнёс он вслух. - Я прошёл его вдоль и поперёк две недели назад. Там был старый дуб на вершине - такой огромный, что его, говорили, видно с моря. И родник с ледяной водой. Были и развалины сторожевой башни времён Войны Шести Герцогов. Я записывал каждую деталь. Каждую складку местности. Теперь здесь ничего нет.

- Есть, - мягко возразил Дорен.

Он сидел на своём мохноногом коне, подавшись вперёд, и смотрел на равнину с тем особенным, отсутствующим выражением, которое Элиан уже начинал узнавать. И признаться честно - уставать. Так Дорен смотрел, когда чувствовал что-то, недоступное другим. Что-то, связанное с течением времени.

- Что именно? - спросила Леора. Она тоже спешила и теперь стояла, уперев руки в бока, и её острый, оценивающий взгляд сканировал горизонт.

- Время, - всё также мягко ответил Дорен. - Оно здесь... спрессовано. Как будто десять лиг холмов сжали в одну точку. А потом эту точку выбросили. Или спрятали. Я чувствую его.. отголоски. Но они достаточно слабые. Как эхо в колодце. Если получше сосредоточусь - может быть, смогу что-то услышать. Но явно не здесь. Нужно выйти на открытое место. В центр равнины.

- В центр равнины, - повторил Тобин и нервно сглотнул. - А это вообще безопасно?

- Нет, - коротко ответил Дорен. И, не прибавив больше ни слова, тронул коня вперёд.

Все последовали за ним. Равнина, казавшаяся издали идеально плоской, вблизи оказалась не такой уж однообразной. Земля под копытами лошадей была покрыта сетью мелких трещин - неглубоких, но многочисленных, расходившихся во все стороны, как паутина на разбитом стекле. Трава, росшая между трещинами, была странного, бледно-серого цвета, и при ближайшем рассмотрении Элиан заметил, что это вовсе не трава. Это были стебли. Сухие,

ломкие, лишённые листьев, они походили скорее на окаменевшие водоросли, чем на наземные растения. Когда ветер шевелил их, они издавали тот самый звук - шорох перелистываемых страниц.

Элиан наклонился с седла, сорвал один стебель и поднёс к глазам. Внутри стебель был полым и заполненным какой-то тёмной, похожей на сажу субстанцией. Она пахла гарью. И немного чернилами. Тем же запахом, что и туманная стена.

- Они мёртвые, - сказал он, показывая стебель остальным. - Но не сгнили. Они как будто... мумифицированы. Законсервированы. Как экспонаты в кунсткамере.

- Здесь всё такое, - отозвался Дорен. - И время не течёт. Совсем. Ни вперёд, ни назад. Застыло. Как муха в янтаре. Я такое видел однажды. В Каэльтасе, когда эксперимент с хронополем вышел из-под контроля. Тогда целую лабораторию накрыло куполом остановленного времени. Тридцать учёных застыли на месте. Стоят там до сих пор. Уже двадцать лет.

- И что с ними стало? - тихо спросил Тобин.

- Ничего. Они всё ещё там. Не живые и не мёртвые. Просто... застывшие. Иногда к ним приходят родственники. Смотрят через стекло. Цветы приносят. Цветы тоже застывают, как только их проносят внутрь. Красиво, говорят. Как картина.

Он замолчал. Леора бросила на него короткий взгляд, но ничего не сказала. Элиан знал, о чём она думает: о том, что Дорен, возможно, и сам отчасти застыл. Отчасти мёртв. Отчасти жив. Застрыл между мигами, как те несчастные в лаборатории.

Они продолжали путь. Солнце медленно клонилось к западу, и тени лошадей становились всё длиннее. Равнина не кончалась. Она тянулась и тянулась, однообразная, как наваждение, и Элиан уже начал сомневаться, что они вообще движутся. Может быть, они тоже застыли. Может быть, их тоже накрыло куполом. Может быть, они идут по кругу, как те несчастные в каменоломне, проживая один и тот же момент снова и снова.

Он сверился с компасом. Стрелка уверенно указывала на северо-восток. Затем он сверился с картой. На карте по-прежнему значились холмы. Он сверился с Эхо-листом. На Эхо-листе равнины не было - там, ещё до Раскола, на этом месте находилось большое озеро, окружённое лесами. Озеро исчезло вместе с холмами. Или, может быть, холмы исчезли, а озеро вернулось? Или ни то, ни другое? Элиан потёр виски. Голова начинала болеть от попыток удерживать в сознании несколько версий реальности одновременно.

- Стойте, - внезапно произнёс Дорен.

Они остановились. Дорен спрыгнул с коня, бросил поводья Тобину и сделал несколько шагов в сторону от дороги. Точнее - в сторону от того, что когда-то было дорогой. Здесь, на равнине, даже имперский тракт потерял определённую форму: его булыжники ушли в землю, заросли серой травой, растворились в ландшафте. Только едва заметная колея, похожая на шрам, указывала, где он проходил.

Дорен опустился на колени. Прямо в серую траву, прямо в трещины, прямо в эту странную, безжизненную почву. Он положил ладони на землю и замер. Его глаза закрылись. Дыхание замедлилось.

- Опять? - спросил Тобин с ноткой ужаса в голосе. - Он опять уходит?

- Не мешайте ему, - резко сказала Леора. - Он что-то почувствовал.

Элиан спешил и подошёл ближе. Дорен стоял на коленях, уперев руки в землю, и его лицо, обычно такое каменное, такое непроницаемое, сейчас выражало сложную смесь эмоций. Боль. Сосредоточенность. И что-то ещё. Что-то, похожее на... узнавание?

- Здесь кто-то есть, - произнёс Дорен. Голос его звучал глухо, как из-под земли. - Под нами. Глубоко. Очень глубоко. Но это не люди и даже не звери. Что-то другое.

- Что? - спросил Элиан.

- Не знаю. Но оно живое и дышит. И оно... спит. Спит уже очень давно. Тысячу лет. Может, больше. - Он помолчал, и его брови сошлись на переносице. - Я слышу его дыхание. Как

прилив. Как биение сердца. Очень медленное. Очень глубокое. Оно спит под этой равниной. Под холмами. Под озером. Под всем, что здесь было и чего не стало. Оно - как фундамент. Как... якорь.

- Якорь? - переспросила Леора, и в её голосе впервые за всё путешествие послышалось что-то похожее на волнение. - Ты хочешь сказать, что под нами находится артефакт? Дораскольный?

- Не артефакт, - медленно произнёс Дорен. - Карта.

Элиан почувствовал, как сердце пропустило удар.

- Что ты сказал?

- Карта, - повторил Дорен. - Огромная. Каменная. Она лежит глубоко под землёй, и она... живая. Или была живой когда-то. Теперь она спит. Но она всё ещё работает. Она всё ещё держит реальность. Вернее, пытается удержать. Но что-то пошло не так. Что-то явно сломалось. Я чувствую трещины. Разломы. Раны. Как будто кто-то бил по ней молотом. И каждая рана - это изменение наверху. Каждая трещина - это исчезнувший город. Исчезнувшая деревня. Исчезнувший холм.

Он открыл глаза и поднялся на ноги. Его лицо было бледным, под глазами залегли тени, но взгляд стал ясным и острым, как у человека, который только что разгадал сложную загадку.

- Я знаю, что случилось с Таль-Вераном, - сказал он. - И со всеми остальными. Их не стирали по отдельности. Да и это невозможно. Невозможно стереть город, не затронув всё, что с ним связано: людей, товары, воспоминания, записи. Это нарушило бы причинно-следственные связи. Реальность бы схлопнулась. - Он говорил быстро, почти взалёб, и это было так непохоже на обычного, медлительного Дорена, что Элиан невольно отступил на шаг. - Но есть способ обойти это ограничение. Нужно изменить не город. Нужно изменить карту. Не бумажную карту, не пергамент. Настоящую карту. Ту, на которой основана реальность. Первокарту. Если изменить Первокарту - изменится всё. И не будет никаких противоречий. Потому что реальность всегда соответствует карте. Не карта отражает реальность. Реальность отражает карту.

Он замолчал, переводя дыхание. Леора смотрела на него с выражением, которое Элиан не мог расшифровать. Тобин выглядел так, словно только что увидел призрака. А Элиан... Элиан чувствовал, как в его голове рушится всё, чему его учили. Вся картография, вся геодезия, вся топография - всё это было ложью. Или не ложью, а лишь поверхностным слоем истины. Карты не описывают мир. Карты создают мир. И это означало, что его работа - его скромная, кропотливая работа по составлению планов местности - была не просто фиксацией. Она была... вмешательством.

- Первокарта, - повторил он, и слово это прозвучало странно, почти свяшенно. - Ты думаешь, она существует?

- Я знаю, - ответил Дорен. - Я чувствую её. Она под нами. Вернее, не она сама, а её фрагмент. Осколок. Один из многих. Когда произошёл Раскол, Первокарта разбилась. Её осколки разлетелись по всему континенту. Каждый осколок стал якорем для своего участка реальности. Поэтому Пределы такие разные. Потому что осколки разные. И законы у них разные. А теперь кто-то нашёл способ изменять осколки. Переписывать их. И когда он переписывает осколок - меняется реальность.

- Редактор, - произнесла Леора. - Тот, кого мы видели в тумане. Это он переписывает Первокарту?

- Да, - сказал Дорен. - Но он не человек. Он - инструмент. Им кто-то управляет. Кто-то, кто знает, где лежат осколки. Кто-то, кто понимает, как они работают. Кто-то, кто хочет перекроить мир по своему образцу. - Он помолчал. - И этот кто-то был здесь. Недавно. Я чувствую его след. Он всё ещё свежий.

- Насколько свежий? - спросила Леора.

- Дни. Может быть, часы.

Они невольно оглянулись. Равнина была пуста. Ветер всё так же перебирал серую траву. Солнце всё так же клонилось к закату. Но теперь в этом мирном, почти идиллическом пейзаже чудилась угроза. Где-то там, за горизонтом, или, может быть, совсем рядом, шёл человек. Или не человек. Шёл тот, кто переписывал мир. Тот, кто стёр Таль-Веран. Тот, кто убил - или обрёк на вечные муки - сотни тысяч людей.

- Мы должны его найти, - сказала Леора. В её голосе больше не было холода. Только сталь.

- Сначала мы должны найти осколок, - возразил Элиан. - Если Дорен прав, и осколок Первокарты находится под нами, мы должны увидеть его. Прикоснуться к нему. Понять, как он работает. Иначе мы будем сражаться вслепую.

- Он довольно глубоко, - сказал Дорен. - *Очень*глубоко. Но... - он нахмурился, прислушиваясь к чему-то внутри себя, - здесь есть вход. Я чувствую его. Слабый поток воздуха. И есть разница давлений. Где-то неподалёку есть пустота под землёй. Пещера. Или шахта. Или что-то ещё.

- Тогда всем искать, - скомандовала Леора. - Разбиваем лагерь здесь, а завтра на рассвете начинаем поиски. Сегодня мы слишком измотаны. Если столкнёмся с опасностью - не выдержим.

Никто не возражал. Даже Тобин, который, казалось, был готов спорить с любым решением, если оно подразумевало дальнейшее пребывание на этой проклятой равнине. Он молча слез с коня и начал расседлывать лошадей.

Лагерь разбили прямо посреди равнины, у небольшого возвышения, которое когда-то, возможно, было вершиной одного из исчезнувших холмов. Место выбрали не случайно: отсюда хорошо просматривались окрестности, а лёгкий уклон обеспечивал защиту от ветра. Костер разводить не стали - во-первых, не было дров, если не считать тех странных серых стеблей, которые вряд ли горели, а во-вторых, свет мог привлечь внимание. Вместо этого расстелили спальные мешки прямо на земле и поужинали всухомятку: хлеб, сыр, вяленое мясо, глоток воды из фляг.

Ели молча. Каждый думал о своём.

Элиан - о Первокарте. О том, что всю жизнь он считал себя картографом, а на самом деле был... кем? Писцом? Корректором? Инструментом в руках тех, кто понимал истинную природу карт? Его дед знал. Знал и молчал. Почему? Чтобы защитить его? Или чтобы защитить саму тайну? И что он сказал бы сейчас, увидев своего внука посреди исчезнувшего ландшафта, на пороге открытия, которое перевернёт весь мир?

Леора - о Крелле. О том, что у неё осталось меньше трёх суток, чтобы вернуться в Хранилище и предъявить доказательства. О фрагменте каменной карты, который она видела в Особом Хранении. О том, что этот фрагмент пульсировал светом - точь-в-точь как описывал Дорен. О том, что если её догадка верна, то Хранилище Конкорда бессознательно коллекционировало осколки Первокарты на протяжении столетий. И если собрать их вместе...

Дорен - о времени. О том, что там, в Грязи, ему было спокойнее. Парадоксально, но факт. Чем глубже он погружался в собственное замедленное время, тем тише становились голоса его мёртвых товарищей. Тех, кого он потерял в Карминовой Кампании. Тех, кто прожил свои последние секунды, пока он, Дорен, растягивал свою жизнь на часы. Они всегда были с ним. Всегда. Как эхо в колодце. Но там, в Грязи, эхо становилось тише. Может быть, поэтому его так тянуло обратно.

Тобин - о доме. О матери, которая ждала его в маленькой деревушке под Ательгардом. О том, что он обещал вернуться к празднику Урожая. О том, что праздник уже через неделю. И о том, что он, возможно, не вернётся никогда.

Ночь опустилась на равнину быстро, без сумерек – небо просто потемнело, и на нём проступили звёзды. Но звёзды здесь были не такие, как дома. Они были тусклыми, далёкими, и расположены как-то неправильно. Элиан, который неплохо знал астрономию - картографу

полагается уметь ориентироваться по звёздам, - попытался найти знакомые созвездия. Ковш. Охотник. Змея. Их не было. Совсем. Вместо них над головой висели незнакомые узоры из бледных, мерцающих точек, которые складывались в фигуры, не имевшие названий. Или имевшие - но в других мирах. В других реальностях.

- Не смотри на них слишком долго, - тихо сказал Дорен. Он сидел, прислонившись спиной к седлу, и тоже смотрел в небо. - Это.. не наши звёзды. Это звёзды другого слоя. Того, что под нами. Или над нами. Я не разобрал. Если смотреть слишком долго - можно заблудиться. Я знал одного парня, который вот так смотрел. В карауле. А потом встал и ушёл. Просто ушёл в степь. Его нашли через три дня. Он сидел у камня и чертил на земле созвездия, которых нет. И не отвечал на вопросы. Только улыбался.

- И что с ним стало? - спросил Тобин.

- Отправили в лазарет. Потом - домой. Он до сих пор там. Сидит у окна и всё чертит. Говорят, иногда к нему приходят... консультироваться. Астрономы из Академии. Он им показывает такие вещи, которых они ни в одной книге не нашли.

Он замолчал. Тишина сомкнулась над лагерем, как вода над утопленником. Где-то далеко - или близко? - что-то зашуршало в серой траве. Элиан приподнялся на локте, вглядываясь в темноту, но ничего не увидел. Только ветер. Только шорох. Только звёзды - чужие, холодные, равнодушные.

- Дежурим посменно, - распорядилась Леора. - Первая смена - моя. Потом - Дорен. Затем - Элиан. Тобин спит всю ночь: он и так на взводе, ему нужен отдых. Вопросы?

Вопросов не последовало. Тобин благодарно кивнул и завернулся в плащ. Дорен закрыл глаза - но не уснул, Элиан видел это по его дыханию. Он просто ушёл в себя. В свою Грязь. В своё убежище.

Элиан тоже попытался уснуть. Он лежал на спине, глядя в чужое небо, и думал. Думал о том, что завтра они, возможно, найдут вход в подземелье. Думал о том, что там, внизу, их ждёт осколок Первокарты - живой, пульсирующий, раненый. Думал о том, что кто-то ходит по этим подземельям с инструментом, способным переписывать реальность. Думал о Сэйре - где она сейчас? Идёт ли она за ними? Или, может быть, она уже здесь, рядом, наблюдает из темноты своими разноцветными глазами?

Сон пришёл незаметно. Без сновидений. Только серая мгла, только шорох травы, только далёкое, ритмичное биение - как пульс. Как дыхание. Как эхо.

Проснулся он от холода. Было ещё темно, но звёзды уже начали бледнеть на востоке. Леора сидела на том же месте, где он видел её вечером - прямая, напряжённая, с клинком на коленях. За всю ночь она, кажется, ни разу не пошевелилась.

- Что-нибудь случилось? - спросил Элиан, садясь и растирая затёкшие плечи.

- Ничего, - ответила она. - Именно это меня и беспокоит. Здесь слишком тихо. Даже ветер стих. Посмотрите.

Она кивнула в сторону равнины. Элиан вгляделся в предрассветный сумрак и почувствовал, как по спине пробежал холодок, не имеющий отношения к утренней прохладе. Серая трава стояла неподвижно. Абсолютно. Ни одна травинка не шевелилась. Воздух был совершенно неподвижен, словно кто-то выключил ветер, как гасят свечу.

- Штиль, - произнёс он. - Полный штиль. Но дело не только в ветре.

Он прислушался. Тишина была неестественной. Не просто отсутствие звуков, а отсутствие самого понятия звука. Как будто они оглохли - но нет, он слышал собственное дыхание, слышал, как шуршит одежда, слышал, как Дорен переворачивается в спальном мешке. Значит, дело не в слухе. Дело в том, что мир вокруг замолчал. Совсем.

- Барометр падает, - сказала Леора, показывая на маленький прибор, который она извлекла из походной сумки. - Очень быстро. Будет гроза. Или что-то похуже.

Элиан встал и огляделся. Рассвет уже окрасил восточный горизонт в бледно-розовый, но этот свет был каким-то болезненным, анемичным. Он не радовал, а наоборот тревожил. И в этом тревожном свете Элиан вдруг увидел то, чего не замечал вчера.

На равнине, метрах в трёхстах от лагеря, что-то было. Какое-то сооружение. Нет, не сооружение - скорее, провал. Как будто земля в этом месте просела, образовав неглубокий кратер с пологими краями. В центре кратера что-то темнело. Вход.

- Дорен, - позвал Элиан. - Просыпайся. Кажется, мы нашли то, что искали.

Дорен открыл глаза мгновенно, без перехода от сна к бодрствованию - так просыпаются люди, привыкшие к внезапным атакам. Он сел, оценил обстановку, кивнул.

- Я чувствую его, - сказал он. - Очень близко. Метров триста на восток. И ещё... - он нахмурился, принялся, как зверь, - там кто-то был. Недавно. Совсем недавно. Я чувствую запах. Человеческий. И не только человеческий.

- Что значит «не только»? - резко спросила Леора.

- Не знаю, - признался Дорен. - Просто... другой. Не как мы. Не как люди. И не как звери. Что-то другое. Что-то *чужое*.

Они быстро собрали лагерь. Тобин, разбуженный и явно не выспавшийся, выглядел ещё более нервным, чем обычно. Он постоянно оглядывался, вздрагивал от каждого шороха и сжимал древко копья так, словно оно было единственной ниточкой, связывающей его с реальностью. Элиан его понимал. Он и сам чувствовал, как реальность ускользает, тает, расползается под ногами, как старая ткань.

К кратеру подошли осторожно, держа оружие наготове. Но опасности, судя по всему, не было. Провал оказался естественного происхождения - или, по крайней мере, выглядел таковым. Его края были сложены из осадочных пород, слои которых были хорошо видны на срезе: песчаник, известняк, снова песчаник. А в центре, на глубине примерно десяти метров, темнело отверстие. Узкое, не более метра в диаметре, оно уходило вертикально вниз, в темноту. Оттуда тянуло холодом и всё тем же запахом - чернил, бумаги, старой библиотеки.

- Здесь спускались, - сказала Леора, указывая на едва заметные следы на краю провала. - Видите? Сколы свежие. Кто-то использовал верёвку. И совсем недавно - камень ещё не обветрился.

- Редактор, - произнёс Дорен. - Или его хозяин.

Элиан подошёл к самому краю и заглянул в темноту. Отверстие было похоже на зрачок. На чёрный, бездонный зрачок, в котором не отражался свет. Ему вдруг стало не по себе - так, как не было даже в туманной стене. Там, по крайней мере, была угроза явная, видимая, понятная. Здесь была неизвестность. А неизвестность всегда страшнее.

- Я пойду первым, - сказал он.

- Нет, - возразила Леора. - Первым пойдёт Дорен. Он чувствует время и может предупредить об опасности. За ним - вы. Потом - Тобин. Я замыкающая. Если что-то случится - я прикрываю отход.

- А если не случится? - спросил Тобин с нервным смешком.

- Тогда мы все вернёмся, - сухо ответила Леора. - И доложим Конкорду о том, что нашли.

Дорен уже разматывал верёвку. Он делал это медленно, методично, проверяя каждый узел. Его движения были такими же неторопливыми, как и речь, но в них чувствовалась уверенность. Человек, который знает, что делает. Человек, который лазил по подземельям и похуже.

- Там глубоко, - сказал он наконец. - Метров тридцать, может, сорок. Верёвки хватит. Но что будет на дне - не знаю. Моё чутьё там не работает. Слишком близко к осколку. Он экранирует.

- Экранирует? - переспросил Элиан.

- Как свинец экранирует радиацию, - объяснил Дорен. - Осколок Первокарты - мощный источник... не знаю, как назвать. Онтологического излучения? Реальность-поля? Он меняет всё вокруг. И он глушит моё восприятие. Чем ближе к нему - тем я глуше. Там, внизу, я буду как обычный человек. Медленный. Неповоротливый. Беспольный.

- Мы все там будем бесполезны, - сказала Леора. - Кроме, может быть, картографа. У него есть Эхо-лист. А Эхо-лист - это, возможно, единственное, чего боится редактор.

Элиан невольно коснулся тубуса за спиной. Эхо-лист. Семейная реликвия. Ключ. Оружие. Он всё ещё не до конца понимал, как работает древняя карта. Но одно знал точно: она - не просто пергамент. Она - часть чего-то большего. Возможно, часть той самой Первокарты. Или её копия. Или её эхо.

Дорен закрепил верёвку за массивный валун на краю провала и первым шагнул в темноту. Его фигура быстро растворилась во мраке, только натянутая верёвка подрагивала, указывая, что он спускается. Прошла минута. Другая. Третья. Потом снизу донёсся глухой стук - сапоги ударились о камень.

- Дно! - крикнул Дорен. Его голос звучал приглушённо, искажённо, как будто доносился не из колодца, а из другого измерения. - Здесь пещера! Большая! И... здесь кое-что есть.

- Что именно? - крикнула Леора.

Пауза. Долгая. Затем последовало:

- Вам лучше спуститься и увидеть самим. Это... это не передать словами.

Элиан переглянулся с Леорой. Она пожала плечами - жест, который означал: «выбора нет». Он кивнул, взялся за верёвку и начал спуск.

Спускаться было трудно. Стены колодца были скользкими, покрытыми какой-то влажной, похожей на слизь субстанцией, которая неприятно холодила пальцы. Пахло плесенью и всё теми же чернилами - но теперь к ним примешивался ещё один запах, который Элиан не сразу распознал. И только когда до дна осталось несколько метров, он понял: это запах камня. Не просто камня, а горячего камня. Камня, который долго пролежал на солнце. Или... который был живым.

Он спрыгнул на каменный пол и огляделся. Пещера, в которой он оказался, была огромной. Света, проникавшего через колодец сверху, хватало лишь на то, чтобы осветить небольшой участок вокруг верёвки, но и этого было достаточно, чтобы понять: они попали в какое-то рукотворное помещение. Стены были слишком ровными для естественной пещеры. Пол был выложен плитами - массивными, тщательно подогнанными друг к другу. А в центре зала...

В центре зала возвышалось нечто.

Элиан не сразу понял, что это. Сначала ему показалось, что перед ним алтарь. Или саркофаг. Или постамент для статуи. Но когда глаза привыкли к полумраку, он разглядел детали: это был пьедестал. Высокий, примерно по грудь человеку, сложенный из чёрного, отполированного до зеркального блеска камня. А на пьедестале лежал осколок.

Он был небольшим - размером с человеческую голову. Но Элиан никогда в жизни не видел ничего подобного. Осколок светился. Не отражённым светом, а собственным, внутренним. Свет был тёплым, золотистым, живым. Он пульсировал - медленно, ритмично, словно биение сердца. И в этом свете были видны линии. Тонкие, как паутина, они покрывали поверхность осколка, складываясь в узор, который Элиан узнал мгновенно. Это была карта. Не конкретной местности, а карта как таковая. Координатная сетка. Масштабная линейка. Условные обозначения. Роза ветров. Всё, что он чертил каждый день на протяжении десяти лет, - но доведённое до абсолюта. До совершенства. До магии.

- Первокарта, - прошептал он. - Или её часть.

- Да, - раздался голос Дорена. Он стоял чуть поодаль, у противоположной стены, и смотрел не на осколок, а на что-то у своих ног. - Иди сюда. Посмотри.

Элиан подошёл. И замер.

У стены, на каменном полу, лежало тело. Вернее, то, что от него осталось. Человек - или тот, кто когда-то был человеком - лежал на спине, раскинув руки. Его лицо было искажено гримасой боли - или экстаза? - а глаза, широко раскрытые, смотрели в потолок невидящим взглядом. Но самым страшным было не это. Самым страшным было то, что тело было... незаконченным. Как будто художник набросал контур, но не успел заполнить его деталями. Черты лица были размытыми, пальцы на руках - неразделёнными, как у эмбриона. Одежда была не сшита, а как будто выдавлена из одного куска материи, без швов и пуговиц. А в груди, прямо в центре грудной клетки, чернела дыра - идеально круглая, с оплавленными краями. Как будто кто-то вырезал кусок плоти. Или души.

- Редактор? - тихо спросила Леора, которая только что спустилась и теперь стояла за спиной Элиана.

- Это не редактор. Это его жертва. Посмотри на руку.

Элиан пригляделся. В левой руке мертвеца - той, что была больше похожа на ласту, чем на человеческую конечность, - был зажат какой-то предмет. Маленький, блестящий. Он наклонился и осторожно, стараясь не касаться самой плоти, извлёк предмет из мёртвой хватки.

Это был жетон. Армейский. Каэльтасский. На одной стороне - имя: «Лейтенант Корвин». На другой - гравировка: «VII топографический корпус».

- Корвин, - выдохнул Элиан. - Тот самый картограф из гарнизона. Который сбился с пути. Но он не сбился. Он нашёл это место. И оно его... поглотило.

- Или он пытался что-то сделать, - мрачно добавила Леора. - Посмотрите на его позу. Он тянется к осколку. Возможно, он пытался его коснуться. Или изменить. Или защитить.

- И кто-то ему помешал, - закончил Дорен. — Тот, кто оставил эту дыру у него в груди.

В пещере повисла тишина. Осколок на пьедестале продолжал пульсировать, и в его свете лицо мёртвого Корвина казалось почти живым. Почти, но не совсем. Элиан смотрел на тело и чувствовал, как внутри него нарастает холодная, ледяная ярость. Корвин был хорошим картографом. Может быть, даже лучшим, чем он сам. И он умер здесь, в этой проклятой пещере, один, пытаясь разгадать тайну, которая оказалась ему не по зубам.

- Мы должны его похоронить, - тихо сказал Тобин. Он спустился последним и теперь стоял, прижимаясь спиной к стене, бледный как полотно. - Мы не можем оставить его так.

- Похороним, - пообещал Элиан. - Но сначала – нужно понять, что здесь произошло. И кто за это в ответе.

Он шагнул к пьедесталу. Осколок пульсировал всё так же ритмично, и чем ближе Элиан подходил, тем отчётливее ощущал странное тепло, исходившее от него. Это было не физическое тепло - скорее, какое-то глубинное, проникающее в самую душу. Оно наполняло его чувством... правильности. Словно осколок был не просто камнем. Словно он был ответом на вопрос, который Элиан не решался задать.

- Не трогай его, - предупредил Дорен. - Корвин, возможно, тоже хотел прикоснуться. И посмотри, что с ним стало.

- Я не буду трогать, - ответил Элиан. - Пока не буду. Но я должен увидеть. Должен понять.

Он достал Эхо-лист и развернул его. Древний пергамент затрепетал в его руках, и в тот же миг осколок на пьедестале вспыхнул ярче. Намного ярче. Свет заполнил пещеру, залил стены, пол, потолок - и в этом свете проступили линии. Тысячи линий, покрывавших каждый дюйм каменной поверхности. Карта. Огромная, невероятно детализированная карта всего континента, нарисованная прямо на стенах пещеры.

- Это она, - прошептала Леора. - Первокарта. То, что на пьедестале - лишь осколок. А целая карта... она здесь. Вся пещера - это она.

Элиан обернулся, пытаясь охватить взглядом всё помещение. Линии на стенах пульсировали в такт осколку. Они изображали горы, реки, города - те, что ещё существовали, и те, что уже исчезли. И на этой исполинской карте отчётливо виднелись раны. Грубые, рваные дыры

там, где раньше были Таль-Веран, Зольский Приют, каменоломня. И в каждой ране клубилась тьма. Та самая тьма, что преследовала их в тумане.

- Это.. не просто карта, - произнёс Элиан, и голос его дрогнул. - Это операционный стол. А осколок — инструмент. Тот, кто держит его, может менять реальность. И тот, кто был здесь до нас, именно это и делал.

- Но где он сейчас? - спросил Тобин. - Этот... редактор?

Ответ пришёл не сразу. Сначала из глубины пещеры, из одного из боковых проходов, которые Элиан не заметил раньше, донёсся звук. Тихий, ритмичный. Как будто кто-то перебирал страницы. Или что-то чертил. Или писал.

- Он здесь, - сказал Дорен, и его голос был лишён всякого выражения. - Он никуда не уходил. Он был здесь всё время. Просто ждал. Ждал, пока мы придём.

Из темноты выступила фигура. Высокая, закутанная в тёмный плащ с капюшоном. В одной руке она держала инструмент, похожий на перо - длинное, наконечник тонкий, сделанный из того же чёрного, поглощающего свет материала, что и пьедестал. В другой - что-то, напоминающее палитру. Или книгу. Или планшет.

- Добро пожаловать, - произнесла фигура. Голос был спокойным, даже мелодичным, но в нём звучала такая глубокая, такая бездонная уверенность, что у Элиана кровь застыла в жилах. - Я ждал вас. Вернее, не вас конкретно. Но кого-то, кто сможет оценить мою работу. Кого-то, кто поймёт. Картограф - это прекрасно. Картограф - это именно тот, кто нужен.

Фигура откинула капюшон. И Элиан увидел лицо. Обычное, человеческое лицо. Мужчина средних лет, с тонкими чертами, высоким лбом и аккуратно подстриженной бородкой. Он мог бы быть профессором. Или архивариусом. Или врачом. Кем угодно. Но глаза... Глаза у него были пустыми. Абсолютно, совершенно пустыми, как у статуи. Как у куклы. Как у человека, который давно перестал быть человеком.

- Моё имя вам ничего не скажет, - продолжал он. - Но мою должность вы, возможно, знаете. В древности нас называли Скрипторами. Редакторами. Корректорами реальности. Те, кто следит за тем, чтобы мир соответствовал карте. Или карта - миру. Смотря, что считать оригиналом.

- Это вы уничтожили Таль-Веран, - произнесла Леора, и её голос был как удар хлыста. - Вы убили пятьдесят тысяч человек.

Скриптор посмотрел на неё с лёгким удивлением. Как на ребёнка, сказавшего глупость.

- Убил? - переспросил он. - Нет. Я не убиваю. Я редактирую. Это разные вещи. Убийство - это прекращение жизни. Редактура - это... коррекция. Уточнение. Улучшение. Город Таль-Веран был ошибкой. Он не соответствовал замыслу. Он нарушал гармонию. Поэтому я его исправил.

- Исправили? - Элиан шагнул вперёд, сжимая в руке Эхо-лист. - Вы стёрли город с лица земли, а его жителей обрекли на вечную агонию в заикленном времени. Это вы называете исправлением?

Скриптор вздохнул. Терпеливо. Снисходительно.

- Это побочный эффект, - сказал он. - Непредусмотренный, но временный. Когда редакция будет завершена, цикл разорвётся. Жители Таль-Верана исчезнут окончательно. Без боли. Без страданий. Они просто... перестанут быть. Как будто их никогда не существовало. Это милосердно. Это более чем милосердно. Это - дар.

- Чей дар? - спросила Леора. - Кто приказал вам это сделать?

- Приказал? - Скриптор улыбнулся. - Никто. Я выполняю работу, начатую тысячу лет назад. Работу, которую не завершили мои предшественники. Работу по созданию совершенного мира. Мира без противоречий. Без хаоса. Без Раскола. - Он обвёл рукой пещеру, светящиеся линии на стенах, пульсирующий осколок. - Всё это - лишь инструменты. Черновик. А чистовик ещё впереди. Когда я закончу - не будет больше Пределов. Не будет Нестабильных

Зон. Не будет границ, разделяющих континент. Будет единый мир. Правильный мир. Такой, каким он должен был быть с самого начала.

- Такой, каким его задумали вы, - сказал Элиан.

- Такой, каким его задумал Создатель, - поправил Скриптор. - А я лишь скромный инструмент в его руках.

Он шагнул к пьедесталу, и его перо начало светиться тем же золотистым светом, что и осколок. Леора выхватила клинок. Дорен встал в боевую стойку. Тобин вскинул копье.

- Не подходите к нам, - предупредила Леора. - Иначе я убью вас.

Скриптор посмотрел на неё - и рассмеялся. Смех был негромким, но в нём звенела такая древняя, такая бездонная жуть, что Элиан почувствовал, как волосы на голове встают дыбом.

- Убьёте? - переспросил Скриптор. - Чем? Этой железкой? Вы не понимаете. Я не живой в вашем понимании. Я - функция. Процесс. Алгоритм. Я существую до тех пор, пока существует карта. А карта будет существовать всегда. Всегда.

Он вскинул перо, и воздух в пещере задрожал. Линии на стенах вспыхнули ослепительным светом. Пьедестал завибрировал. Осколок запел - высоко, пронзительно, на грани слышимости. И мир начал меняться.

Элиан почувствовал, как пол уходит из-под ног, как стены искривляются, как реальность сворачивается в спираль. Он увидел - или ему показалось? - как Леора бросается вперёд с клинком наперевес. Как Дорен замирает в неестественной, невозможной позе. Как Тобин кричит - беззвучно, как в страшном сне. А потом всё исчезло.

Осталась только карта. Бесконечная карта, раскинувшаяся во все стороны. И голос. Голос Скриптора, звучащий отовсюду и ниоткуда.

«Ты хотел понять, картограф? Смотри. Смотри и учись».

И Элиан увидел.

Глава 6

Реальность расслаивалась, как слюда под ударом молотка.

Элиан висел в пустоте - или ему казалось, что висит, потому что ни верха, ни низа, ни самого понятия направления больше не существовало. Вокруг него, насколько хватало глаз - а глаз теперь было больше, чем два, и они видели в спектрах, которым нет названия, - простиралась карта. Не та карта, что была на стенах пещеры, и не Эхо-лист, и не его собственные, старательно вычерченные планы. Это была карта всего. Каждой горы, каждой реки, каждого города, каждой травинки, каждой капли воды в океане. Она была трёхмерной - нет, четырёхмерной, потому что она включала в себя ещё и время. И пятимерной, потому что она показывала не только то, что есть, но и то, что было, и то, что могло бы быть, и то, что никогда не случится. Она пульсировала, дышала, жила своей собственной, непостижимой жизнью. И она была ранена.

Элиан видел раны. Они были повсюду - рваные, кровоточащие тёмной, маслянистой субстанцией, которая сочилась сквозь слои реальности, как гной из незаживающей язвы. Одни были огромными, размером с горные хребты. Другие - маленькими, как булавочные уколы. Но каждая из них болела. Каждая из них кричала. И этот крик, многоголосый, бесконечный, звучал в голове Элиана, заглушая всё остальное.

«Смотри», - прозвучал голос Скриптора. Он был повсюду - не снаружи, а внутри, как будто кто-то вложил слова прямо в его мысли. *«Смотри и учись. Это - истинная карта мира. Первокарта. То, что вы называете реальностью - лишь её проекция. Тень на стене пещеры. А я - тот, кто поправляет тени».*

Перед глазами Элиана промелькнула череда образов. Сначала он увидел Таль-Веран - нет, не увидел, а ощутил всем своим существом. Город был прекрасен. Его башни из белого камня вздымались к небу, увитые зеленью висячих садов. Его улицы были полны народа - купцы, ремесленники, солдаты, женщины в ярких платьях, дети, бегущие за обручем. Он слышал их голоса, их смех, их споры. Он чувствовал запах пряностей с рыночной площади, свежего хлеба из пекарен, морской соли из порта. Он ощущал тепло солнца на камнях мостовой и прохладу фонтанов в тенистых двориках. Город жил. Город дышал. Город *существовал*.

А потом пришёл редактор.

Элиан увидел его - не того человека, что стоял перед ними в пещере, а другого. Или того же самого, но тысячу лет назад. Фигура, сотканная из света и тени, склонилась над Первокартой. В её руке был инструмент - не перо, а что-то вроде резца. И этот резец коснулся поверхности карты в том месте, где был обозначен Таль-Веран.

Одним движением. Одним чётким, выверенным движением. Как хирург, удаляющий опухоль. Как корректор, вымарывающий опечатку.

И город исчез.

Нет, не сразу. Сначала изменилась проекция. Люди на улицах Таль-Верана вдруг замерли. Не застыли, как статуи - они продолжали двигаться, но их движения потеряли цель. Купец, только что заключавший сделку, забыл, о чём шла речь. Женщина, звавшая ребёнка, забыла его имя. Солдат, стоявший на посту, забыл, что он охраняет. А потом они забыли себя. Свои имена. Свои жизни. Свою историю.

А потом забыли все остальные. Купцы из соседних городов, которые вели дела с Таль-Вераном, вдруг обнаружили, что в их grossбухах не сходятся цифры - но не могли вспомнить, с кем и когда они торговали. Картографы, составлявшие планы региона, вдруг заметили, что на их картах есть пустое место - но не могли объяснить, что там находилось. Архивариусы Конкорда, хранившие метрические книги, вдруг наткнулись на записи о людях, которых никогда не существовало - и пожали плечами, решив, что это ошибка переписчика.

А город всё ещё стоял. Его башни всё ещё вздымались к небу. Его улицы всё ещё были полны народом. Но этот народ уже не был народом. Это были призраки. Живые призраки, не помнящие своих имён, не знающие своих судеб, обречённые проживать один и тот же день снова и снова - но не замечающие этого. Потому что некому было заметить. Потому что само понятие «замечать» было вычеркнуто из их реальности.

А потом исчезли башни. Сначала - одна, самая высокая, та, что служила маяком для кораблей. Она просто перестала существовать. Не рухнула, не рассыпалась - перестала. Как будто её никогда и не было. За ней последовали другие. Улицы, дома, фонтаны, сады - всё это таяло, как утренний туман, растворялось в воздухе, уходило в небытие. И люди тоже таяли. Один за другим. Сначала те, кто был на окраинах. Потом те, кто был в центре. Потом все остальные.

Последним исчез ребёнок. Маленький мальчик лет пяти, с льняными волосами и веснушками на носу. Он сидел на ступенях городского собора и играл с деревянной лошадкой. Он не замечал, что город вокруг него исчезает. Не заметил и того, что его мать, только что стоявшая рядом, растворилась в воздухе. Он просто играл. А потом перестал.

И Таль-Верана не стало.

Элиан закричал. Или попытался закричать - но у него не было рта. Не было голоса. Не было ничего, кроме чистого, незамутнённого ужаса, который заполнил каждую клеточку его существа. Он видел, как умирали пятьдесят четыре тысяч человек. Нет - не умирали. Хуже. Они были вычеркнуты. Вымараны. Удалены из текста бытия, как неудачная фраза, как лишний абзац, как опечатка, которую никто не заметит.

«Это не смерть, - прозвучал голос Скриптора. В нём не было ни злобы, ни торжества. Только бесконечное, бездонное спокойствие. - Смерть - это переход. А они никуда не перешли. Их просто... не было. Никогда. Ты понимаешь? *Ни-ко-гда*».

- Зачем?! - выкрикнул Элиан. Слова дались ему с трудом, как будто он говорил сквозь толщу воды. - Зачем вы это сделали?!

«Потому что так нужно, - ответил Скриптор. - Потому что этого требует замысел. Таль-Веран стоял на пересечении силовых линий. На узле реальности. Его существование мешало гармонизации континента. Он был... помехой. Шумом в сигнале. Грязью на линзе. Я не мог завершить правку, пока он существовал».

- Правку? - Элиан чувствовал, как ярость закипает в нём, вытесняя ужас. - Вы называете это правкой? Вы уничтожили город! Вы убили пятьдесят тысяч человек!

«Я не убивал, - терпеливо, как ребёнку, повторил Скриптор. - Убийство подразумевает наличие жертвы. А жертв нет. Их никто не помнит. О них никто не скорбит. Их некому оплакивать. С точки зрения реальности - их никогда не существовало. Это идеальное преступление. Преступление, которого не было».

Элиан хотел возразить, но не успел. Реальность снова изменилась. Карта перед его глазами дёрнулась, пошла рябью, и он увидел другое место. Другое время. Другую трагедию.

Зольский Приют.

Он увидел деревню - маленькую, всего тридцать дворов, приютившихся на берегу реки. Он увидел людей - простых крестьян, рыбаков, охотников. Они жили своей обычной жизнью: пахали землю, растили детей, справляли праздники, хоронили мёртвых. И он увидел, как пришёл редактор.

На этот раз это был другой редактор. Не тот, что в пещере. Не тот, что уничтожил Таль-Веран. Этот был... моложе? Или старше? Трудно сказать. Его лицо скрывал капюшон, но Элиан чувствовал его присутствие - холодное, безжалостное, неумолимое. Он склонился над картой, над тем её участком, где была обозначена деревня, и сделал пометку. Всего лишь пометку. Маленький значок на полях: «Удалить».

И деревня исчезла. Не мгновенно, как Таль-Веран, а постепенно, слой за слоем. Сначала изменилась река - она потекла вспять, подмывая берег, на котором стояла деревня. Потом изменилась земля - она вздыбилась, как живая, поглощая дома и улицы. Потом изменилась память - жители соседних хуторов забыли, что когда-то здесь была деревня. А потом изменилось само время - и на месте деревни вырос лес. Ясневый лес, старый, дремучий, как будто он стоял здесь всегда.

«Это было экспериментальное редактирование, - пояснил Скриптор. - Я тогда только учился. Ещё не понимал всех тонкостей. Зольский Приют был... пробой пера. Черновиком. Я хотел посмотреть, как далеко могу зайти. Как быстро реальность адаптируется к изменениям».

- Вы учились на живых людях, - произнёс Элиан. Его голос дрожал от едва сдерживаемой ярости. - Вы практиковались в убийстве на невинных крестьянах.

«Я не убивал, — снова повторил Скриптор, и теперь в его голосе послышалась лёгкая, едва заметная нотка раздражения. - Сколько можно объяснять? Я редактировал. Корректировал. Улучшал. Мир должен быть совершенным. А совершенство требует жертв. Не так ли?»

Элиан не ответил. Он смотрел на карту, на бесконечную, пульсирующую, кровоточащую карту, и чувствовал, как внутри него что-то ломается. Что-то, что он считал неизменным. Вера в то, что карты отражают реальность. Вера в то, что истина существует. Вера в то, что мир - это данность, а не чей-то произвольный выбор.

«Ты расстроен, - констатировал Скриптор. - Это естественно. Вы, люди, всегда расстраиваетесь, когда узнаете правду. Но подумай иначе: разве не в этом заключается высшая гармония? Разве не прекрасно знать, что мир подчиняется единому замыслу? Что всё в нём - от движения звёзд до падения осеннего листика - имеет смысл? Я даю миру смысл. Я избавляю его от хаоса. От случайности. От.. *ошибок*».

- Мир не ваш, чтобы его исправлять! - выкрикнул Элиан. - Он принадлежит всем! Каждому человеку! Каждому живому существу! Вы не имеете права решать, кому жить, а кому - исчезнуть!

«Имею, - спокойно ответил Скриптор. - Потому что я - единственный, кто знает, каким мир должен быть. Я - наследник тех, кто начал эту работу тысячу лет назад. Я - последний Скриптор. И я завершу начатое. Чего бы это ни стоило. Сколько бы правок ни потребовалось. Скольких бы городов ни пришлось удалить».

Он замолчал. Карта вокруг Элиана начала тускнеть, сворачиваться, уходить в темноту. Образы Таль-Верана и Зольского Приюта поблёкли, сменились другими - он увидел ещё города, ещё деревни, ещё людей, которые исчезли за последнюю тысячу лет. Их были сотни. Может быть, тысячи. И каждая смерть - каждая редакция - была лишь шагом к какой-то непостижимой цели, которую Скриптор называл совершенством.

«Но довольно теории, - произнёс Скриптор, и его голос внезапно стал жёстким, деловым. - Ты здесь не для того, чтобы слушать лекции. Ты здесь потому, что у тебя есть то, что мне нужно».

Элиан почувствовал, как невидимая сила сжимает его грудь. Эхо-лист. Древняя карта, которую он носил в тубусе за спиной. Она всё ещё была там - он чувствовал её вес, её тепло, её живое присутствие. И Скриптор тоже её чувствовал.

«Отдай мне карту, - сказал он. - Это всё, что мне нужно. Отдай - и я отпущу тебя. И твоих спутников. Вы вернётесь на поверхность, забудете всё, что видели, и продолжите жить своей обычной жизнью. Никто не пострадает».

- Вы лжёте, - ответил Элиан. - Вы не умеете не лгать. Вы - редактор. Вы правите реальность. А правка - это всегда ложь.

«Возможно, - не стал спорить Скриптор. - Но ложь во имя высшей истины. Разве это не оправдание?»

- Нет, - сказал Элиан. - Не оправдание.

И тогда Скриптор атаковал.

Это не было физической атакой. Не было удара, выпада, броска. Вместо этого реальность вокруг Элиана снова изменилась - но на этот раз целенаправленно, агрессивно. Карта, которая только что была бесконечным полотном, превратилась в лабиринт. Стены из линий и символов выросли со всех сторон, отрезая пути к отступлению. Пол под ногами - хотя ног всё ещё не было - пошёл трещинами, и из этих трещин хлынула тьма. Та самая тьма, что клубилась в ранах Первокарты. Она была холодной, липкой, и она пыталась поглотить Элиана, растворить его в себе, как растворяла города и деревни.

«Отдай карту, - повторил Скриптор. - Или я удалю тебя. Заметь: не убью - удалю. Как Таль-Веран. Как Зольский Приют. Как всё, что мешает замыслу. Тебя никогда не существовало. Никто не вспомнит твоего имени. Никто не заплачет о тебе. Ты станешь опечаткой, которую я исправил. И никто не узнает».

Элиан чувствовал, как тьма сжимается вокруг него, как холод проникает в самые кости, как реальность начинает забывать его. Он чувствовал, как его собственные мысли становятся чужими, как его воспоминания бледнеют, как его имя - Элиан Вар, картограф, сын Веридии и Ательгарда - теряет смысл. Он исчезал. Медленно, неотвратно, как город, стёртый с карты.

Но в последний момент, когда тьма уже готова была поглотить его полностью, он сделал единственное, что мог. Он не стал бороться. Не стал сопротивляться. Вместо этого он открылся.

Он открыл свой разум. Свою память. Свою душу. Всё, что он знал, всё, что он помнил, всё, чем он был - он выплеснул это наружу, в лабиринт, в тьму, в саму ткань реальности. И вместе с этим он открыл Эхо-лист.

Древняя карта вспыхнула. Нет - не вспыхнула. Запела. Тот самый звук, который он слышал в детстве, когда дед впервые показал ему семейную реликвию. Звук, в котором слились воедино голоса гор и рек, лесов и полей, городов и деревень. Звук целого мира. Мира, который был до Раскола. Мира, который был един.

И этот звук разорвал тьму.

Лабиринт рухнул. Стены из линий и символов рассыпались в пыль. Тьма отступила, зашипев, как раненый зверь. А Элиан - настоящий Элиан, не проекция, не эхо - почувствовал, как реальность снова обретает твёрдость под ногами. Он снова стоял в пещере. Вокруг него были Леора, Дорен, Тобин. Они были живы. Они были здесь. Они не исчезли.

А перед ним, у пьедестала с осколком, стоял Скриптор. Его лицо было всё таким же спокойным, но в пустых глазах что-то дрогнуло. Что-то похожее на... неуверенность? Или даже страх?

- Эхо, - произнёс он, и его голос впервые дал трещину. - У тебя Эхо. Полное Эхо. Я думал, они все уничтожены. Все до единого. *Я не верил в это.*

Элиан не ответил. Он держал Эхо-лист перед собой, как щит, и древний пергамент пел. Он пел голосами мёртвых городов. Голосами исчезнувших деревень. Голосами людей, которых никогда не было. И в этом пении была сила. Сила, которой Скриптор не мог противостоять.

— Мы уходим, — сказал Элиан. — Мы уходим, и вы нас не остановите. Потому что у вас нет власти над Эхом. Вы — лишь корректор. Вы работаете с копией. С тем, что уже было написано до вас. А копия не может переписать оригинал.

Скриптор молчал. Долго. Тишина в зале стала плотной, как вода на глубине. Потом он кивнул - медленно, почти уважительно. И улыбнулся - едва заметно, уголками губ, словно учитель, услышавший старательный, но неполный ответ.

- Хорошо, - сказал он. - Уходите. Я не смогу вас остановить. Пока. Но запомни, картограф: ты защищаешь далеко не оригинал. Ты защищаешь эхо. Жалкий осколок от оригинала. Фрагмент, который сам себя убедил, что он - целое. А мы работаем не с копией. Мы работаем

с тем первоисточником, из которого вы все когда-то выпали. Твоя карта - лишь отражение. Наша - оригинал. И рано или поздно всякое эхо затихает. С тобой или без тебя.

Он отступил в тень, и тень сомкнулась за ним, как вода над утопленником. Свет осколка на пьедестале потускнел, но не погас. Линии на стенах пещеры поблели, но не исчезли. Скриптор ушёл - но его присутствие всё ещё ощущалось. Как эхо. Как тень. Как обещание.

Элиан опустил Эхо-лист. Руки его дрожали. Сердце колотилось где-то в горле. Он был жив. Они все были живы. Но он знал - это ещё не конец. Даже не начало конца. Это был лишь пролог.

- Что это было? - спросил Тобин. Его голос дрожал ещё сильнее, чем у Элиана. - Что это, во имя всех богов, было?

- То, о чём нельзя молчать, - ответила Леора. Её лицо было бледным, но решительным.

- То, о чём должен узнать Конкорд. Весь Конкорд. Все Пределы. Мы должны рассказать им всем и показать это.

- Не сейчас, - сказал Дорен. - Сначала нужно убраться отсюда. Пока он не передумал. Или пока не пришли другие.

- Другие? - переспросил Элиан. - Есть и другие?

Дорен мрачно кивнул:

- Он сказал: «мы». Не «я». «Мы». Их несколько. Возможно, много. И если каждый из них обладает такой же силой...

Он не закончил. Да и не нужно было. Все понимали, что это значит. Кроме Элиан. Он слышал, что Скриптор говорил, что он остался последний, кто *правит*, но до этого упоминал, что он работает с *истинным редактором*.

Вслух Элиан свои мысли не озвучил.

Они собрались быстро. Элиан в последний раз оглядел пещеру - пульсирующий осколок на пьедестале, светящиеся линии на стенах, тело лейтенанта Корвина, которое они, возможно, уже никогда не смогут похоронить. А потом он увидел то, что не заметил раньше. На полу, у самого края пьедестала, лежал ещё один предмет. Маленький, тёмный, почти незаметный. Он наклонился и поднял его.

Это был уголок карты. Обычной, бумажной, даже не очень старой. Край был оборван, но на уцелевшем фрагменте можно было разобрать несколько линий - контуры берега, русло реки, условное обозначение города. И надпись. Всего одно слово: «Таль-Веран».

- Корвин всё-таки успел, - тихо произнёс Элиан. - Он успел зафиксировать город. Прежде чем его убили.

- Или прежде чем он попытался что-то изменить, - добавила Леора. - Посмотри на линии. Они не совпадают с картой на стене. Вот здесь - видишь? - река делает изгиб не на восток, а на запад. А здесь городские стены отмечены двойной линией, хотя на Первокарте они одинарные. Он не просто фиксировал. Он редактировал. Пытался вернуть город.

- И оплатился за это, - закончил Дорен.

Элиан бережно сложил обрывок и спрятал его в нагрудный карман. Рядом с сердцем. Как напоминание. Как обещание. Корвин погиб, но его работа не пропала даром. Она будет продолжена.

Они начали подъём. Это было труднее, чем спуск: руки скользили на мокрой верёвке, плечи ныли от напряжения, а холодный воздух колодца обжигал лёгкие. Но они поднимались - шаг за шагом, фут за футом, пока наконец не выбрались на поверхность.

Был день. Яркий, солнечный, почти ослепительный после подземного мрака. Равнина всё так же простиралась вокруг, покрытая серой, мёртвой травой. Небо всё так же висело низко, бледное, выцветшее. Но теперь это казалось не зловещим, а почти уютным местом. Почти безопасным. Почти нормальным.

- Мы должны вернуться в форт, - сказала Леора. - Как можно быстрее. У меня осталось меньше двух суток, чтобы доложить Креллу. Если я опоздаю... - Она не договорила. Но все понимали: если она опоздает, последствия могут быть катастрофическими. Не только для неё. Для всего Конкорда. Для всех Пределов.

- Мы не можем бросить поиски, - возразил Элиан. - Мы только начали понимать, что происходит. Если мы сейчас уйдём...

- Мы не бросаем, - перебила его Леора. - Мы только сделаем паузу. Стратегическую. Вы возвращаетесь со мной. Вы - главный свидетель. У вас Эхо-лист. Без вас Конкорд мне не поверит. А Дорен и Тобин... - она посмотрела на них, - могут остаться, если хотят. Продолжить разведку. Найти другие осколки. Понять, сколько их всего и как они связаны.

- Остаться здесь? Одни? - Тобин нервно сглотнул. - После того, что мы *все* видели?

- Тебя никто не оставляет. Ты можешь вернуться, - сухо сказала Леора. - Я не держу тебя. Ты уже сделал больше, чем требовал долг.

Тобин заколебался. Он переводил взгляд с Леоры на равнину, с равнины на колодец, из которого они только что выбрались, с колодца на Дорена. Дорен смотрел на него без всякого выражения.

- Я останусь, - наконец произнёс Тобин. Голос его дрожал, но в нём звучала решимость. - Если эта тварь - этот редактор ил кто-он-там - действительно хочет переписать весь мир, то моя деревня - одна из тех, что могут исчезнуть. Моя мать. Мои друзья. Все, кого я знаю. Я не могу этого допустить.

Дорен хлопнул его по плечу - жест, который мог означать и одобрение, и просто констатацию факта.

- Тогда решено, - подвела итог Леора. - Мы с Элианом возвращаемся в форт. Вы остаётесь. Задача: найти другие входы в подземелья, другие осколки, другие следы редакторов. Не вступать в контакт без крайней необходимости. Только наблюдение. Через двое суток мы вернёмся с подкреплением. Если не вернёмся через назначенное время - тогда вы будете знать, что действовать придётся самостоятельно.

- А что насчёт девушки? - внезапно спросил Тобин. - Ну, той, с разными глазами. Сэйры. Если она появится?

- Если она появится, - медленно произнёс Дорен, - попробуем с ней поговорить. Но осторожно. Очень осторожно. Она знает больше нас. Возможно, больше всех. И она, кажется, не на стороне редактора. Но и не на нашей тоже. Она сама по себе. И это делает её опасной.

Элиан кивнул. Он помнил их первую встречу - там, у ясеневоего леса, на месте исчезнувшей деревни. Её слова: «Уходи, пока редактор не заметил». Тогда он подумал, что она боится редактора. Теперь он понимал: она его вовсе не боялась. Она предупреждала. Она знала, что редактор где-то рядом. Знала и, возможно, знает до сих пор.

Они разделили припасы. Леора и Элиан взяли минимум - только то, что нужно для быстрого перехода до форта. Остальное оставили Дорену и Тобину. Затем, без долгих прощаний - какие могут быть прощания, когда всё только начинается? - они вскочили на коней и поскакали на юго-запад. Туда, где их ждали ответы. Или новые вопросы. Или смерть.

Дорен и Тобин остались на равнине. Двое против неизвестности. Двое против существа, которое могло переписывать реальность. Двое против, возможно, целой армии редакторов, скрывающихся в тени.

- Ну что, - произнёс Дорен, когда стук копыт стих вдали, - идём в путь?

Тобин глубоко вздохнул. Ему было страшно. Очень страшно. Но он не собирался показывать это.

- Идём, - ответил он.

И они двинулись через равнину - туда, где сам воздух звенел иначе. Где горизонт двоился, словно отражение в потревоженной воде. Дорен не знал, что именно ждёт их впереди,

но чувствовал - кожей, костями, чем-то глубже костей - что там, впереди, бьётся ещё одно эхо. Ещё один осколок, застрявший в плоти мира. Ещё одна незатянувшаяся рана, которая всё ещё помнила прикосновение чужого пера.

А тем временем Леора и Элиан скакали на юг. И перед глазами Элиана всё ещё стояла карта - бесконечная, пульсирующая, раненая. И в ушах всё ещё звучал голос Скриптора: *«Я завершу начатое. Чего бы это ни стоило. Скольких бы городов ни пришлось удалить»*.

И где-то далеко, за горизонтом, в сердце континента, в центре Шрама, что-то шевельнулось. Что-то огромное. Что-то древнее. Что-то, что ждало своего часа уже тысячу лет.

А на краю равнины, у кромки мёртвой травы, стояла девушка с разными глазами. Она смотрела вслед двум всадникам, и на её губах играла странная, едва заметная улыбка. Она знала, что они ещё вернутся. Она знала, что пути назад нет. Она знала всё - или почти всё. Кроме одного: чем закончится эта история.

Но это она собиралась выяснить.

Ветер дул с востока. Пахло гарью и чернилами. И где-то в вышине, за бледным, выцветшим небом, пел жаворонок. Ту песню, которую пели ещё до Раскола. Песню, которую никто не помнил.

Кроме карты.

Кроме Эха.

Кроме тех, кто слушал.

Глава 7

Дорога обратно заняла меньше времени, чем путь вперёд, но Элиану она показалась бесконечной. Они скакали почти без остановок, меняя уставших лошадей на свежих в придорожных гарнизонных постах, где Леора предъявляла свой жетон легата Конкорда, и усталые сержанты без лишних вопросов выводили им лучших коней из казённых конюшен. Дорога мелькала перед глазами, смазываясь в серую ленту: холмы сменялись перелесками, перелески - полями, поля - снова холмами. Но Элиан не замечал пейзажа. Перед его внутренним взором всё ещё стояла карта. Та самая, бесконечная, пульсирующая, покрытая ранами. И голос Скриптора, спокойный, рассудительный, ужасающий в своей непреклонности, продолжал звучать в ушах, как эхо, от которого невозможно избавиться.

Леора не разговаривала. Она скакала впереди, прямая как струна, и только белые костяшки пальцев, сжимавших поводья, выдавали её напряжение. Элиан понимал: ей тоже нужно время. Время, чтобы осмыслить. Время, чтобы принять. Время, чтобы решить, что делать дальше. Он не мешал ей. Он и сам не знал, что сказать. Слова казались слишком мелкими для того, что они пережили. Слишком плоскими. Слишком обычными.

Они достигли Седьмого форта к вечеру второго дня. Солнце уже клонилось к закату, когда на горизонте показались знакомые стены из грубого, покрытого лишайником камня. Форт выглядел так же, как и прежде, - массивный, надёжный, непоколебимый. Но теперь Элиан смотрел на него другими глазами. Он знал: эта надёжность - иллюзия. Камень стен, дерево ворот, даже сами люди, несущие службу на стенах, - всё это может быть переписано. Всё это может исчезнуть в одно мгновение, если редактор решит, что форт мешает его замыслу.

Их встретили у ворот. Комендант Торвальд вышел сам, без свиты, и его лицо, обычно добродушное и слегка лукавое, было мрачным. Он оглядел всадников - двух, а не четырёх, - и всё понял без слов. Впрочем, он и не стал задавать вопросов. Только коротко распорядился:

- В кабинет. Сейчас же. И позовите лекаря.

Лекарь не понадобился. Ни Элиан, ни Леора не были ранены - по крайней мере, телесно. Но оба выглядели так, что Торвальд, старый вояка, повидавший на своём веку немало, невольно нахмурился. Он провёл их в свой кабинет, сам налил по кружке горячего травяного отвара и плотно закрыл дверь.

- Рассказывайте, - сказал он. - Только не вздумайте что-нибудь утаить. Я старый человек и дурных новостей не боюсь. Боюсь только тех, о которых не знаю.

И они рассказали. По очереди, перебивая друг друга, дополняя деталями, которые в одиночку упустили бы. Элиан начал с исчезнувшей развилки, с туманной стены, с каменоломни, застрявшей в цикле. Леора продолжила - о пещере, об осколке Первокарты, о теле лейтенанта Корвина. И о Скрипторе.

Торвальд слушал молча, не перебивая. Только его пальцы, сжимавшие кружку с отваром, побелели, а на лбу пролегла глубокая складка. Когда они закончили, он долго сидел неподвижно, глядя в одну точку - на старую, потрёпанную карту, висевшую на стене кабинета. На ней был изображён тот самый регион, где они только что побывали. И на ней всё ещё были отмечены холмы, которых больше не существовало.

- Значит, всё правда, - произнёс он наконец. Голос его был глухим, усталым. - Правда то, о чём старики шептались по ночам. Та правда, которую запрещали произносить вслух. Картомантия. Редакторы. Первокарта. Я думал, это сказки. Бабушкины страшилки. А оно, оказывается, вот оно. Прямо у меня под боком.

- Вы знали? - спросила Леора.

- Знал, что что-то не так, - ответил комендант. - Последние месяцы донесения с границы стали странными. Патрули возвращались сбитыми с толку, путались в показаниях. Карты пере-

стали сходиться с местностью. Потом начали пропадать люди. Не много - один-два в неделю. Всегда на окраинах, всегда в одиночку. Мы списывали на дезертирство. На бандитов. На зверей. Но теперь я понимаю: их и не убивали вовсе. Их редактировали. Вычеркнули, как опечатки. А мы даже не заметили этого.

Он с силой опустил кулак на стол. Кружка подпрыгнула, отвар расплескался по тёмной столешнице.

- Я должен доложить, - сказал он. - Немедленно. В штаб Конкорда. В столицу. Это не пограничный инцидент. Это война.

- Погодите, - остановила его Леора. - Прежде чем докладывать - подумайте, кому именно. Мы не знаем, насколько широко простирается влияние Скриптора. Возможно, у него есть агенты в Конкорде. Возможно, даже в штабе. Если он узнает, что мы раскрыли его планы, он ускорит правку. Или удалит нас. Или и то, и другое.

Торвальд замер. Его лицо, и без того мрачное, стало ещё темнее.

- Вы предлагаете молчать?

- Я предлагаю быть осторожными, - ответила Леора. - У меня есть доверенное лицо в столице. Магистр Таддеус Крелл. Он знает о моём расследовании. Он дал мне семьдесят два часа, чтобы собрать доказательства. Срок истекает завтра в полдень. Если я не появлюсь - он будет вынужден доложить наверх, и тогда процесс уже не остановить. Но если я появлюсь и предоставлю ему факты - он сможет действовать точно. Без лишнего шума. Без утечек.

- А если он - агент Скриптора? - спросил Элиан.

Леора покачала головой.

- Крелл не может быть агентом. Он дал обет молчания. Такой обет накладывает ограничения. Человек, принявший его, не может лгать - даже молча, даже письменно. Любая ложь, даже невысказанная, оставит след. Я знаю Крелла много лет. Он честен. Настолько, насколько вообще может быть честен ательгардский чиновник.

- Ательгардская честность, - проворчал Торвальд. - Это как веридийская скромность. Оксиморон.

- И всё же, - твёрдо произнесла Леора, - я доверяю ему. Больше, чем кому-либо в Конкорде. И у меня нет выбора. Если я не доверюсь ему - я не смогу довериться никому.

В комнате повисла тишина. Где-то за стенами форта, во дворе, перекликались часовые. Скрипнула дверь в коридоре. Ветер за окном прошелестел по карнизу. Обычные звуки. Обычные, мирные, уютные. Но теперь они казались хрупкими. Как стекло. Как бумага. Как сама реальность.

- Хорошо, - наконец произнёс Торвальд. - Поступайте как знаете, легат. Я прикрою вас перед штабом. Скажу, что вы уехали на север по какому-то дипломатическому делу. Никаких подробностей. Если спросят - я ничего не знаю. А вы тем временем действуйте. И если понадобится помощь - любая, какая угодно - дайте знать. У меня не так много людей, но все они верные. Каждый из них поклялся защищать границу. И они будут защищать её. Даже если враг - не армия, а нечто похуже.

Он поднялся, давая понять, что разговор окончен. Леора и Элиан тоже встали. У двери комендант на секунду задержался.

- И вот ещё что, - сказал он, не оборачиваясь. - Если вы встретите этого... редактора... снова. И если у вас будет шанс ударить - бейте. Не раздумывая. Не пытайтесь договориться. Такие существа не понимают слов. Они понимают только силу. И карту. - Он бросил короткий взгляд на тубус за спиной Элиана. - Береги её. Она, похоже, единственное, что может его остановить.

Он вышел, и дверь тихо закрылась за ним. Элиан и Леора остались вдвоём. Впервые с тех пор, как они покинули пещеру, у них был момент покоя. Момент, чтобы перевести дух. Момент, чтобы взглянуть друг на друга и увидеть не просто соратников по несчастью, но людей. Живых, усталых, испуганных людей.

- Нам нужно поговорить, - сказала Леора. Она стояла у окна, глядя на закат. Небо на западе было залито багрянцем, и в этом свете её лицо казалось высеченным из меди. - Не о картах. Не о Скрипторе. О нас. О том, что мы делаем и почему.

Элиан молча кивнул. Он и сам хотел этого разговора. Давно хотел. Ещё с той ночи, когда они впервые встретились в этом самом форте. С той ночи, когда он впервые увидел на её щеке - или ему показалось? - след старого шрама, скрытого под слоем пудры.

- Вы не просто легат, - произнёс он. - Вы не просто чиновница Конкорда, расследующая исчезновение города. У вас свой интерес. Свой мотив. Я вижу это по вашим глазам. По тому, как вы сжимаете рукоять клинка, когда речь заходит о Таль-Веране. По тому, как вы побледнели, когда Дорен сказал, что чувствует эхо пятидесяти тысяч застрявших в цикле людей. - Он помолчал. - Вы знали кого-то там. В Таль-Веране.

Леора не ответила. Она продолжала смотреть в окно, и её лицо, освещённое багрянцем заката, было совершенно непроницаемо. Но Элиан заметил, как дрогнули её пальцы, лежавшие на подоконнике. Едва заметно. Но *заметно*.

- Я не прошу вас исповедоваться, - продолжил он. - У каждого есть право на тайну. Но если мы собираемся идти дальше вместе, если мы собираемся сражаться против существа, способного переписывать реальность, - я должен знать, кто стоит рядом со мной. Не ваше прошлое. Не ваши секреты. А то, что движет вами. Вашу цель. Вашу мотивацию. Потому что от этого зависит, как вы поступите в критический момент. Кого будете спасать. Кем готовы пожертвовать.

Он замолчал. Леора по-прежнему не оборачивалась. Тишина в комнате стала густой, осязаемой, как воздух перед грозой. Где-то далеко, за холмами, сверкнула молния - без грома, без звука, просто вспышка на горизонте. Предвестница чего-то большего.

- Мой брат, - вдруг произнесла Леора.

Голос её был тихим. Очень тихим. Если бы Элиан не стоял рядом, он бы не услышал.

- Мой младший брат. Лориан. Он был... он был картографом. Как вы. Только не полевым. Он работал в архиве Конкорда. Составлял официальные карты для дипломатических миссий. Сверял границы. Уточнял координаты. Обычная работа. Скучная, но безопасная. - Она сделала паузу. Её дыхание стало неровным, но голос оставался ровным, почти бесстрастным. - Шесть лет назад его отправили в Таль-Веран. Крупный проект: новая карта северных торговых путей. Он должен был провести там три месяца. Провести полную топографическую съёмку города и окрестностей. Он уехал с караваном. И больше я его не видела.

- Он исчез? - спросил Элиан. - Вместе с городом?

- Нет, - ответила Леора. - Город исчез позже. Примерно два года назад. А Лориан... Лориан вернулся из той поездки. Вернулся живым и невредимым. Но он был другим. Не таким, как прежде. Он молчал целыми днями. Не узнавал родных. Не помнил своего имени. Лекарши говорили - нервное истощение. Переутомление. Последствия какой-то лихорадки, которую он подхватил на севере. Но я видела: дело не в болезни. Его как будто... выпотрошили. Оставили оболочку, а всё, что было внутри, забрали. Он прожил ещё полтора года. А потом умер. Просто уснул и не проснулся. И перед смертью он сказал... - Она запнулась. Её руки сжались в кулаки. - Он сказал: «Они правят карту, сестра. Они правят карту, и мы исчезаем. Не верь картам. Не верь никому». Я не поняла тогда. Решила, что он несёт чепуху. Но когда город исчез, я вспомнила. И начала расследование.

Она наконец обернулась. Её лицо, освещённое последними лучами заката, было спокойным, но в глазах стояли слёзы. Слёзы, которые она не позволяла себе пролить.

- Я хочу понять, что они сделали с моим братом, - сказала она. - Хочу найти тех, кто это сделал. Хочу заставить их ответить. Не за Таль-Веран. Не за Зольский Приют. Не за всех тех несчастных, что застряли в циклах. За Лориана. За мальчика, который любил рисовать горы и

реки и который умер, не помня собственного имени. - Она отвернулась, пряча лицо. - Вот моя мотивация, картограф. Вот моя цель. Не спасти мир. Не защищать Пределы. А отомстить.

Элиан не знал, что сказать. Слова утешения казались фальшивыми. Слова осуждения - жестокими. Он просто стоял и смотрел на неё - на эту холодную, бесстрастную, непробиваемую женщину, которая только что открыла ему самую уязвимую часть своей души. И он вдруг понял, что она ему нравится. Не как соратник. Не как легат. А как человек. Человек, который, несмотря на всю свою сдержанность, несёт в себе такую боль, что способен ею поджечь мир.

- Я помогу вам, - сказал он наконец. - Не только потому, что так правильно. И не только потому, что это мой долг картографа. А потому, что я понимаю. Понимаю, каково это - потерять кого-то. Настоящего. Дорогого. И не иметь даже могилы, на которую можно прийти.

Леора метнула на него быстрый взгляд. В её глазах мелькнуло что-то - может быть, благодарность. Или удивление. Или подозрение. Трудно было сказать.

- У вас есть кого терять? - спросила она.

- Был, - ответил Элиан. - Мой дед. Тоже картограф. Тот, кто научил меня всему. Он умер, когда мне было пятнадцать. И перед смертью он сказал мне почти то же самое, что ваш брат. «Мир не таков, каким кажется. Карты лгут. Но истина где-то есть. Ищи её. И не верь никому, кто скажет, что её не существует». - Элиан усмехнулся. Грустной, кривой усмешкой. - Я тогда подумал, что он бредит. Старый человек, умирающий от лихорадки. Чего только не привидится. А теперь понимаю: он знал. Всё знал. И молчал, чтобы защитить меня.

- Знал о редакторах? - спросила Леора.

- Не только. Я думаю, он знал о Первокарте. Об осколках. О картомантии. - Элиан провёл рукой по тубусу за спиной. - Эхо-лист. Он передал его мне, когда мне было десять. Сказал: «Это не просто карта. Это память. Память о мире, который был. Сохрани её. Придёт день, когда она тебе понадобится». Я хранил. Не понимая зачем. А теперь вот, кажется, понимаю.

- И что же вы собираетесь делать?

- То, чему он меня учил. Смотреть. Наблюдать. Сопоставлять. И рисовать карты. Только теперь - не для заказчиков. Не для Конкорда. А для себя. Для нас. Для всех, кто хочет знать правду. - Он сделал паузу. - Мы должны найти остальные осколки. Должны понять, как они связаны. Должны выяснить, кто такой этот Скриптор - или что он такое. И должны найти способ остановить его. Не отомстить, Леора. Остановить.

Она долго смотрела на него. Затем медленно кивнула.

- Хорошо, - сказала она. - Пусть будет «остановить». А месть... месть придёт потом. Если придёт.

Она отошла от окна и подошла к столу, где всё ещё лежала карта Торвальда. Старая, потрёпанная, с выцветшими чернилами. Она провела пальцем по линии границы, по контуру реки, по значку города, которого больше не было.

- Нам нужна информация, - произнесла она. - Больше, чем у нас есть. Мы не можем полагаться только на Эхо-лист и на чутьё Дорена. Нам нужны архивы. Нужны старые карты. Нужны люди, которые знают больше, чем говорят. И главное - нам нужна Сэйра.

- Вы думаете, она ещё здесь? - спросил Элиан.

- Я думаю, она никогда не уходила, - ответила Леора. - Она следила за нами. Возможно, с самого начала. Возможно, она и привела нас к пещере. К осколку. К Скриптору. Она знала, что мы там найдём. И она знала, что мы выживем. Иначе зачем было предупреждать?

- Может быть, она помогает нам.

- Может быть. А может быть, она ведёт нас в ловушку. Мы не знаем. Поэтому нужно найти её. И заставить говорить. Но сделать это нужно осторожно. Так, чтобы не спугнуть её.

Элиан задумался. Сэйра. Девушка с разными глазами. Та, что видит трещины. Та, что сказала: «Уходи, пока редактор не заметил». Где она сейчас? Возможно, где-то рядом. Воз-

можно, наблюдает даже сейчас. И если это так, то у них нет нужды её искать. Она сама найдёт их. Когда захочет.

- Я думаю, она выйдет на контакт, - сказал он. - Не сегодня. Не завтра. Тогда, когда поймёт, что мы готовы. И убедится в том, что мы не сдаёмся. А пока... - он взглянул на Леору. - Пока нам нужно сделать то, что мы должны были сделать с самого начала. Составить карту. Не территории. Не границ. А событий. Всего, что произошло. Всего, что изменилось. Всего, что исчезло. Если мы поймём закономерность - поймём и план редактора. А если поймём план - сможем предугадать его следующий шаг.

Леора кивнула.

- Хорошо. Тогда за работу. У нас мало времени. Завтра в полдень истекает срок, который дал мне Крелл. Если я не появлюсь - он поднимет тревогу. А тревога в Конкорде - это всегда плохо. Всегда шум, паника и неверные решения.

- Значит, едем в столицу? - спросил Элиан.

- Да, - ответила Леора. - Но не вместе. Вы - картограф. Вас никто не знает. Вы можете проехать через границу без лишних вопросов. А я - легат с особыми полномочиями. За мной будут следить. Если мы поедem вместе, это привлечёт внимание. Поэтому разделимся. Вы отправитесь в столицу через южный тракт, через Веридию. Это займёт больше времени, но будет безопаснее. Я поеду напрямик, через гарнизонные посты. Встретимся в Ательгарде, в таверне «Серебряная маска», через три дня. Там я познакомлю вас с Креллом. А до тех пор - никаких контактов. Никаких писем. Никаких донесений. Только карта. Ваша карта. А если составите карту событий, то держите её при себе. Никому не показывайте. Даже мне. По крайней мере, до встречи.

- Почему? - спросил Элиан. - Почему не показывать даже вам?

- Потому что, если меня схватят - а это возможно - я не должна знать лишнего. То, чего я не знаю, у меня не вырвут. - Она посмотрела ему прямо в глаза. - В Ательгарде умеют допрашивать. Очень умеют. И если они узнают, что я знаю о вашей карте, они будут искать вас. А вы должны оставаться в тени. По крайней мере, пока мы не поймём, кому в Конкорде можно доверять.

Элиан хотел возразить, но сдержался. Она была права. Чем меньше людей знают, тем сложнее Скриптору их найти. И тем сложнее Конкорду - если Конкорд окажется на стороне врага - им навредить.

- Хорошо, - сказал он. - Встретимся в «Серебряной маске». Через три дня. В полдень.

- В полдень, - подтвердила Леора. - И берегите себя, картограф. Вы нужны этому миру. Даже если сам мир об этом не знает.

Она повернулась и вышла из кабинета. Элиан остался один. Он стоял посреди комнаты, глядя на старую карту на стене, и чувствовал, как внутри него что-то меняется. Что-то, что не имело названия. Может быть, это была решимость. Может быть - страх. А может быть - осознание собственной роли в чём-то гораздо большем, чем он сам.

Он достал из походной сумки чистый лист бумаги, разложил его на столе и обмакнул перо в чернила. Но не стал рисовать. Не стал чертить. Вместо этого он написал - впервые в жизни - не карту, а слова. Заголовок:

«Хронология изменений. Таль-Веран и другие. Личная карта событий. Для внутреннего пользования. Уничтожить в случае опасности».

Затем он начал писать. Всё, что знал. Всё, что видел. Всё, что предполагал. Деревни, исчезнувшие за последние годы. Города, о которых забыли. Дороги, изменившие направление. Реки, потёкшие вспять. Он писал быстро, не заботясь о красоте почерка, и строки заполняли страницу, как реки заполняют русла, как дороги заполняют местность, как судьбы заполняют время.

А за окном, на краю равнины, стояла девушка с разными глазами. Она смотрела на свет в окне кабинета и ждала. Она ждала уже очень давно. Но теперь, впервые за долгое время, она знала: ждать осталось недолго.

Ветер пел в камышах. Пахло дождём и чернилами. И где-то глубоко под землёй, в темноте пещеры, осколок Первокарты пульсировал, как сердце. Раненое сердце. Которое всё ещё билось.

Глава 8

Южный тракт через Веридию был долгим, извилистым и, как всё в этой стране, требовал особого к себе отношения.

Элиан выехал на рассвете, ещё до того, как туман над заливными лугами рассеялся. Утро было сырым и прохладным, пахло мокрой травой, речной водой и дымом далёких рыбацких костров. Лошадь - гнедой мерин по кличке Игнис, тот самый, что дал ему комендант Торвальд, - шла ходко, но нервно прядала ушами, когда дорога приближалась к воде. Веридийские лошади, как и веридийские люди, остро чувствовали присутствие духов, и реки здесь были особенно говорливы.

Элиан решил ехать без остановок до полудня. Ему нужно было время, чтобы привести мысли в порядок. Слишком многое случилось за последние дни. Слишком многое нужно было осмыслить, разложить по полочкам, вписать в общую картину. Он привык к ясности - картограф без ясности не может работать. Но ясность ускользала. Реальность, которую он всю жизнь считал прочной, надёжной, поддающейся измерению, оказалась зыбкой, как отражение в воде. И он, Элиан Вар, всю жизнь рисовавший то, что видел, теперь не знал, можно ли верить собственным глазам.

Он достал из седельной сумки лист с хронологией, которую начал составлять вчера. Перечитал. Мысленно дополнил. На полях появились новые пометки: «Дорога у каменоломни - изменена между 14-м и 16-м числом текущего месяца»; «Река Эш - русло смещено на 3 шага, вероятно, повторная правка»; «Зольский Приют - удалён полностью, включая память окрестных жителей; возможно, эксперимент». Эксперимент. Это слово жгло. Для Скриптора исчезновение деревни было экспериментом. А для тех, кто жил в ней, - концом всего.

Он убрал лист и сосредоточился на дороге. Тракт шёл вдоль берега реки, которая, по всем картам, должна была называться Серебрянкой. Но Элиан заметил, что местные жители,

попадавшие ему навстречу - редкие рыбаки с удочками, крестьянки с корзинами, возчик с телегой, гружённой глиняной посудой, - называли её иначе. Для них она была Звенящей. Элиан не слышал, чтобы река звенела. Он вообще не слышал её голоса, хотя как полукровка с веридийской кровью должен был. Это тревожило. Как будто река молчала. Или, может быть, он сам начинал гложуть - терять ту особую чувствительность, которую унаследовал от бабки.

К полудню он остановился у небольшой придорожной таверны. Заведение называлось «У старого моста» и представляло собой приземистое каменное здание с соломенной крышей, из трубы которого лениво поднимался дымок. У входа, под навесом, стояли несколько грубо сколоченных столов, и за одним из них сидели двое мужчин, игравших в кости. Они подняли головы, когда Элиан спешился, окинули его быстрыми оценивающими взглядами и снова уткнулись в игру.

Элиан привязал Игниса к коновязи, погладил его по храпу - старую веридийскую привычку, знак уважения к живому существу, - и вошёл внутрь. В таверне было полутемно, пахло кислым пивом, жареным луком и ещё чем-то, что он не смог определить, - может быть, мокрой шерстью. За стойкой стоял хозяин - тучный, краснощёкий, с пышными усами, в которых застряли крошки. Он приветливо кивнул вошедшему и продолжил протирать кружку грязной тряпкой.

- День добрый, путник, - произнёс он, и его голос прозвучал как урчание сытого кота. - С дороги? Отведайте нашего эля. Лучший на всём южном тракте.

- Лучший на всём южном тракте? - переспросил Элиан, садясь за стойку. - Это, смелое заявление.

- Смелое, - согласился хозяин, наливая кружку из тёмного бочонка. Пена поднялась шапкой и медленно осела, оставив на дереве влажный след. - Но правдивое. Спросите у любого, кто проезжал здесь за последние двадцать лет. Все подтвердят.

Элиан взял кружку, но пить не спешил. Он смотрел на поверхность эля, на лениво лопающиеся пузырьки, и думал. Двадцать лет. За последние двадцать лет многое могло измениться. Могло исчезнуть. Могло быть переписано. Может быть, и таверна эта когда-то называлась иначе. Может быть, и хозяин - не тот, кем кажется. Может быть, всё это - лишь очередная правка, лишь очередной слой реальности, нанесённый поверх предыдущего.

- Вы местный? - спросил он, стараясь, чтобы голос звучал небрежно.

- Всю жизнь здесь, - ответил хозяин. - Родился в деревне за холмом. Деревня называлась...

- Он нахмурился, словно силясь вспомнить. - Называлась... Хм. Странно. Вертится на языке, а вспомнить не могу. Наверное, старость.

- Вы не выглядите старым, - заметил Элиан.

- Шестьдесят три года, - хозяин усмехнулся, и усы его шевельнулись, как два мохнатых зверька. - Для Веридии - не возраст. Мой дед до ста четырёх дожил и до последнего дня сам рыбачил. Говорил, река ему силы даёт. А река, знаете ли, щедрая. Если уметь слушать.

- А вы умеете? - спросил Элиан.

Хозяин посмотрел на него долгим, оценивающим взглядом. В его глазах, тёмных и блестящих, как речная галька, мелькнуло что-то, похожее на подозрение. Или на узнавание.

- Умел когда-то, - медленно произнёс он. - А потом река перестала со мной говорить. Или я перестал её слышать. Не знаю. - Он отвернулся, делая вид, что протирает стойку. - У нас тут, на юге, в последнее время много странного творится. Рыба уходит. Вода мутнеет. Старики говорят - духи гnevаются. А я думаю - не духи. Что-то другое. Что-то, что пришло из-за гор. Из Шрама. - Он снова посмотрел на Элиана. - Вы ведь не просто так сюда заехали? Вы из этих? Из картографов?

Элиан напрягся. Он не носил никаких знаков отличия, не имел при себе ни планшета, ни инструментов - всё было надёжно спрятано в седельных сумках. Но хозяин всё равно угадал. Или почувствовал. Или... кто-то предупредил его о приезде картографа.

- С чего вы взяли? - спросил он осторожно.

- Взгляд у вас особый, - ответил хозяин. - Вы не на людей смотрите, а на местность. Вон, вошли - сразу глазами по углам, по стенам, по балкам. Будто прикидываете, как всё это на бумагу перенести. Я за свою жизнь многих картографов повидал. Все они такие. Особенно те, у кого за спиной не просто работа, а что-то другое.

- И что же у меня за спиной? - спросил Элиан.

- Тайна, - просто ответил хозяин. - У вас за спиной тайна. Большая. Опасная. Я такие вещи чувую. Не так, как реку чувую, но всё же. - Он наклонился ближе и понизил голос: - И ещё чувую, что за вами следят. Уже минут десять. Вон тот парень у окна. Пришёл сразу после вас. Заказал эль. Не пьёт. Делает вид, что дремлет. Но он точно не дремлет. Наблюдает.

Элиан не оборачивался. Он продолжал сидеть, держа кружку в руке, и медленно, очень медленно перевёл взгляд на окно, стараясь разглядеть отражение в тёмном стекле. Да, у окна действительно сидел человек. Молодой, худощавый, в дорожном плаще с капюшоном, низко надвинутым на лоб. Его кружка стояла на столе нетронутой. И он действительно не спал - под капюшоном блестели глаза, внимательные, цепкие, как у охотника.

- Спасибо, - тихо сказал Элиан. — Вы не знаете, кто он?

- Не знаю, - ответил хозяин. - Но он не из местных. И не из Конкорда - у тех выправка другая. Этот больше похож на наёмника. Или на шпиона. Впрочем, в наше время это одно и то же. - Он помолчал. - Хотите совет? Уходите через заднюю дверь. Она выходит к реке. Там тропа, о которой знают только свои. Доведёт до старой мельницы. А от мельницы - через лес на юго-восток, к гарнизонной дороге. Плутать не будете, если умеете по солнцу ориентироваться.

- Вы очень добры, - сказал Элиан. - Но если он следит за мной, то наверняка знает и про заднюю дверь.

- Не знает, - уверенно произнёс хозяин. - Он не из местных. А задняя дверь у нас особенная. Её можно увидеть, только если знаешь, что она есть. - Он подмигнул. - Веридийская магия. Старая. Добрая. Работает, пока в неё верят.

Элиан не стал спорить. Он слышал о веридийских уловках, о домах с «двойными дверями», о деревьях, что укрывают путников, о жёнах трактирщиков, способных внушить лошади, куда идти и кого ждать. Всё это звучало как сказка, но он сам был наполовину веридийцем и знал: в этих сказках часто больше правды, чем в иных отчётах.

Он смутился в другом. С одной стороны, уходить тайком, поджав хвост, было не в его принципе. С другой - он не мог позволить себе рисковать. Слишком многое стояло на кону. Да и сам хозяин трактира мог оказаться шпионом, только вот Элиану он показался куда порядочнее, чем могло показаться на первый взгляд. Всё же чутьё у Элиана было куда проницательнее.

Если этот человек у окна - агент Скриптора, то встреча с ним может закончиться плохо. А если это агент Конкорда, следящий по приказу Крелла или кого-то ещё, то тем более не стоит ввязываться в конфликт.

- Что ж, - сказал он, поднимаясь. - Ваш эль и правда хорош. Жаль, не успел распробовать.

- В следующий раз, - пообещал хозяин. - Когда вернётесь. А вы вернётесь. Я это чувствую.

- Он снова подмигнул. - Идите. За стойкой налево, там дверь. Толкните её и скажите: «Мост ещё стоит». Она откроется.

Элиан кивнул, бросил на стойку медную монету и двинулся вдоль стойки. Слева, в полумраке, действительно виднелась дверь - маленькая, обитая почерневшими досками, с железной ручкой в виде кольца. Он взялся за кольцо, наклонился к двери и тихо произнёс:

- Мост ещё стоит.

Дверь открылась бесшумно. За ней был не двор, не сени, а узкий проход, залитый мягким, зеленоватым светом. Элиан оглянулся: человек у окна сидел на прежнем месте, но теперь он, кажется, действительно спал. Или делал вид, что спит. В любом случае, он не смотрел в сторону стойки.

Элиан шагнул в проход, и дверь закрылась за ним.

Тропа, о которой говорил хозяин, действительно существовала. Она петляла между кустами ивняка, спускалась к реке, шла по самому берегу, местами настолько узкая, что впору было идти боком. Река здесь была быстрой, с каменистым дном, и вода в ней была мутной, зеленоватой, как будто взбаламученной недавним паводком. Элиан шёл, прислушиваясь к каждому звуку, - к плеску воды, к шелесту листьев, к крикам птиц в прибрежных зарослях. Погони не было. По крайней мере, пока.

Он прошёл уже около лиги, когда тропа внезапно оборвалась. Перед ним была стена кустарника - густая, непролазная, переплетённая колючими ветвями. Но Элиан не остановился. Он доверял интуиции - той самой, что помогала ему находить дорогу там, где её не было. Он шагнул в кустарник, раздвигая ветви руками, и через несколько шагов вышел на поляну.

Старая мельница стояла на краю поляны, у запруды. Вернее, то, что от неё осталось. Каменные стены, покрытые мхом, полуобвалившаяся крыша, сгнившие лопасти водяного колеса, застывшего над тёмной водой. Место было заброшенным, но не мёртвым. В нём чувствовалась какая-то особая, тревожная тишина, как будто мельница помнила о былых временах и не хотела, чтобы её тревожили.

Элиан собирался обойти мельницу стороной, но остановился. У входа в здание, на замшелом камне, сидел человек. Тот самый, из таверны. Он сидел, скрестив ноги, и смотрел на воду, как будто ждал.

- Быстро ты добрался, - произнёс Элиан, не удивляясь. - Задняя дверь, значит, не помогла.

- Помогла, - отозвался человек, не оборачиваясь. - Просто я знал, куда ты пойдёшь. Точнее, догадывался. Тропа ведёт к мельнице. Все тропы в этих местах ведут к мельнице. Так уж устроен мир. - Он помолчал. - Присядь. Нам нужно поговорить.

- У меня нет времени на разговоры с теми, кто следит за мной из-за угла, - ответил Элиан, оставаясь стоять.

- А у тебя есть выбор? - Человек наконец повернулся. Капюшон слетел с его головы, и Элиан увидел лицо. Молодое, худое, с резкими чертами и глубоко посаженными глазами. Взгляд был прямым, немигающим, и в нём не было ни враждебности, ни угрозы. Только усталость. - Меня зовут Вин, - сказал он. - Я не следил за тобой. Я тебя искал. Это разные вещи.

- Искал? - переспросил Элиан. - Зачем?

- Из-за этого, - Вин достал из-за пазухи сложенный лист бумаги и протянул его Элиану. - Прочитай.

Элиан колебался. Бумага могла быть отравленной - в Ательгарде такие шутки были в ходу. Но интуиция подсказывала, что опасности нет. Он взял лист и развернул его.

Это была карта. Вернее, обрывок карты. На нём были нанесены несколько линий - контуры реки, очертания холмов, условное обозначение моста. И надпись, сделанная торопливым, неровным почерком:

«Если ты читаешь это, значит, меня уже нет. Найди картографа Элиана Вара. Он не знает, но он нужен. Он последний, кто может прочитать Эхо. Передай ему: пусть ищет в старом архиве, на нижнем уровне. Там лежит то, что они хотят скрыть. И пусть не ходит через южный тракт. Там уже начали переписывать реку».

Подписи не было. Только внизу, в углу, стоял маленький значок - три перекрещённые линии, образующие звезду. Символ картомантов.

- Откуда у тебя это? - спросил Элиан. Голос его прозвучал резче, чем он хотел.

- Мне передал его человек, которого я считал другом, - ответил Вин. - Он был картографом. Как и ты. Работал в архиве Конкорда. И он исчез два месяца назад. Ушёл на юг - сказал, что нашёл что-то важное. Что-то, что изменит всё. А через неделю пришло письмо. И нет, не

от него. А от его жены. Она писала, что он так и не вернулся. И что перед уходом он оставил мне это, с наказом передать тебе, если... если он не вернётся.

- Как звали твоего друга? - спросил Элиан, хотя уже знал ответ.

- Лориан, - ответил Вин. - Лориан Айслен.

Элиан закрыл глаза. Всё сходилось. Лориан Айслен, брат Леоры, картограф, работавший в архиве Конкорда, исчезнувший шесть лет назад и умерший полтора года спустя, - он знал. Знал всё. И он оставил след. Оставил послание. Оставил карту.

- Ты знаешь, где его жена? - спросил Элиан.

- Нет, - ответил Вин. - Она тоже исчезла. Через месяц после того, как отправила письмо. Я искал её. Искал Лориана. Искал всех, кто был связан с его работой. Большинство либо мертвы, либо исчезли. Осталась только его сестра. Леора. Но она... - Он замаялся. - Она не знает о письме. И о его жене. Да и о том, что Лориан был здесь, на юге, за месяц до... до всего.

- Она думает, что он умер дома, полтора года назад, после долгой болезни, - произнёс Элиан. - Она не знает, что он был на юге. Не знает, что он искал. Не знает, что оставил послание.

- Да, - подтвердил Вин. - И я не стал ей говорить. Потому что не знал, кому можно доверять. Лориан говорил, что в Конкорде есть... как он выражался, «редакторы». Не те, что правят реальность. А люди, которые работают на них. Агенты. Шпионы. Предатели. Он не называл имён. Но он был напуган. Очень напуган.

Элиан кивнул. Всё это укладывалось в картину, которую он начал составлять. Скриптор не действует в одиночку. У него есть последователи. Есть агенты. Есть руки и глаза по всему континенту. И эти руки и глаза могут быть где угодно. Даже в Конкорде. Даже среди тех, кому Леора доверяет.

- Почему ты решил, что я - тот самый Элиан Вар? - спросил он.

- Я искал тебя три месяца, - ответил Вин. - Ты не оставляешь следов. Движешься как призрак. Но я умею ждать. И умею слушать. Вчера в гарнизонном посту на севере один сержант проболтался, что через их пост проезжал картограф с Эхо-листом. Он не знал, что это такое. Просто описал: старый тубус, древний пергамент, поющий, как струна. Я понял, что это означает и пошёл за тобой.

- А если бы я не заехал в таверну? - с упрёком спросил Элиан.

- То нашёл бы тебя в другом месте. Ты не смог бы уйти далеко. У тебя лошадь хромает на левую заднюю ногу. Я заметил ещё у поста.

Элиан невольно оглянулся на Игниса, которого оставил у таверны. Вин был прав: лошадь действительно прихрамывала. Он заметил это ещё утром, решив, что такое дело не является важным, как дело с исчезновением деревень и местностей, в совокупности хромоту коня можно списать к делам не столь важным. Непростительная ошибка. Непростительная для картографа, привыкшего подмечать детали.

- Что тебе нужно от меня? - спросил Элиан.

- Помочь, - так просто ответил Вин. - Лориан верил, что ты - последний, кто может прочитать Эхо. Он говорил, что таких, как ты, больше нет. Что ты - ключ. Я не знаю, что это значит. Но я знаю, что если редакторы узнают о тебе, ты будешь в опасности. Поэтому я здесь, чтобы предупредить тебя. И чтобы предложить свою помощь.

- Какую помощь?

- Я умею прятаться, - сказал Вин. - Умею запутывать следы. Умею находить людей, которые не хотят, чтобы их находили. Я был охотником в горах Каэльтаса, до того как... - Он осёкся. - Неважно. Главное: я знаю эти места. Знаю тайные тропы, переправы, убежища. И знаю, как пройти через Веридию так, чтобы тебя не заметили ни люди, ни духи, ни те, кто за тобой охотится.

Элиан задумался. Предложение выглядело заманчивым, но он не мог позволить себе доверять первому встречному. Особенно после всего, что случилось. Особенно сейчас, когда каждый незнакомец мог оказаться агентом Скриптора.

- Почему я должен тебе верить? - спросил он прямо.

- Не должен, - ответил Вин. - Но у тебя нет выбора. Ты идёшь через южный тракт. Тракт опасен. Там начали переписывать реку - ты и сам, наверное, заметил: она мутная, молчаливая. А когда реку переписывают, вместе с ней исчезают и те, кто рядом. Рыбаки, паромщики, путники. Ты можешь стать следующей пометкой на полях. - Он поднялся. - Я не настаиваю. Но если решишь - я буду ждать у старой переправы, в трёх лигах к юго-востоку. Там, где кончается тропа и начинается лес. До вечера. Дольше ждать не смогу. - Он натянул капюшон и, не прощаясь, двинулся прочь.

Элиан остался на поляне. Он смотрел, как фигура Вина исчезает за деревьями, и думал. Слишком много совпадений. Слишком много ниточек, сходящихся в одну точку. Лориан Айслен. Жена Лориана. Вин, охотник, старый друг. Все они - звенья одной цепи. И эта цепь ведёт к нему, Элиану. К его Эхо-листу. К его способности «читать Эхо».

Он не знал, верить ли Вину. Но он знал: южный тракт действительно опасен. Река действительно ведёт себя странно. И если есть способ пройти через Веридию незаметно, стоит им воспользоваться.

Он развернулся и пошёл обратно - не к таверне, а в обход, через лес, к месту, где, по словам Вина, будет ждать его лошадь.

Ветви старой ивы качнулись, сомкнулись за его спиной, образуя подобие живого шатра. Элиан стоял внутри, скрытый от посторонних глаз, и ждал. Ждать пришлось недолго. Сначала он услышал мягкий, осторожный перестук копыт по влажной земле, затем - знакомое фыркание, и в просвете между поникшими ветвями показалась тёмная морда Игниса. Конь подошёл к иве сам, без повода, без понукания, словно кто-то невидимый нашептал ему, куда идти и где искать хозяина. В его больших, влажных глазах не было ни страха, ни растерянности - только спокойная уверенность животного, которому объяснили, что делать и зачем. Элиан выбрался из-под ветвей, взял Игниса под уздцы и провёл ладонью по тёплому храпу. Седло было на месте, подпруги целы, седельные сумки не тронуты. Даже узелок с едой, притороченный утром, не сбился. Конь стоял смирно, лишь изредка переступая с ноги на ногу, и косился на реку, словно всё ещё слышал тот тихий, настойчивый шёпот, что привёл его сюда сквозь прибрежные заросли.

Элиан сел в седло и тронул поводья. Дорога лежала на юго-восток, к старой переправе. Он не знал, что ждёт его впереди. Но он знал: назад пути нет. Пути назад нет уже давно. Возможно, с того самого дня, когда он впервые развернул Эхо-лист и увидел на нём то, чего не было в реальности.

Ветер над рекой пах дождём. Небо на востоке темнело. И где-то далеко, за холмами, рокотал гром - низко, глухо, как предупреждение.

Глава 9

Старая

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.